

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра уголовного процесса

ДОКАЗЫВАНИЕ В
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Часть IV

Учебно-методические материалы

Красноярск -1998

Составитель А. С. Барабаш
при техническом содействии А. С. Шагиняна

Доказывание в уголовном процессе: Учебно-методические материалы / Краснояр. гос. ун-т; Сост. А. С. Барабаш, Красноярск, 1997, 1094 с.

Работа состоит из семи разделов, объединенных в пять книг (частей), и содержит тексты различных авторов по широкому кругу проблем доказывания, а также методические указания и задания по рассматриваемым вопросам. Предназначена для студентов юридического факультета, изучающих курс уголовного процесса, аспирантов, преподавателей.

Красноярский
государственный
университет
1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>РАЗДЕЛ V. Классификация доказательств, ее критерии и значение</i>	693
<i>Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве</i>	693
<i>Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств</i>	701
<i>Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса</i>	716
<i>Курылев В. С. Основы теории доказывания</i>	735
<i>Фаткуллин Ф. И. Общие проблемы процессуального доказывания</i>	757
<i>Горский Г. Ф., Кокорев Д. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе</i>	766
<i>Хмыров А. А. Косвенные доказательства</i>	777
<i>Хмыров А. А. Основы теории доказывания</i>	787

Раздел У. Классификация доказательств, ее критерии и значение

Вышинский А. Я.

**Теория судебных доказательств в советском праве.
Издание третье, дополненное. М., 1950, с.251-258**

Классификация доказательств в советском праве

В буржуазной теории доказательственного права по вопросу о классификации доказательств нет единства мнений. Нет здесь также единства и в вопросе о принципах систематизации доказательств. Больше того, по этим вопросам имеются прямо противоположные, исключаящие друг друга точки зрения. Это нужно сказать прежде всего о коренном делении доказательств на *прямые и косвенные* — делении, столь же энергично отстаиваемом одними процессуалистами, сколь энергично отвергаемом другими.¹

Противники деления доказательств на прямые и косвенные ссылаются обычно на то, что и те и другие доказательства требуют участия логической деятельности судьи, что это деление является пережитком эпохи господства теории формальных доказательств и не имеет никакого смысла при действии принципа внутреннего убеждения.²

«В современном процессе оценка доказательств, — писал проф. Фойницкий о тогдашнем процессе, — стала умственным процессом судьи, и потому всякое доказательство предполагает участие или посредство мыслительной человеческой деятельности, т. е. всякое доказательство стало обстоятельным или посредствующим, рациональным. Доверие личное или авторитет, как самостоятельные факторы доказательственного права, более и более утрачи-

¹ Отстаивали это деление такие корифеи старого судебного права, как Бентам, Уильз, Бонье, Глазер, в русской литературе — Жиряев, Владимиров; отвергают это деление Фойницкий, Случевский, Гейер и др.

² Фойницкий. Курс уголовного судопроизводства, СПб. 1899, т. II, стр. 223; Случевский, Учебник русского уголовного процесса, ч. II, Судопроизводство, СПб. 1892, т. II, стр. 165. В советской литературе авторы, касаясь этой проблемы, обычно ограничиваются изложением вопроса, избегая выявлять свое отношение к нему по существу, см., например, Строгович, Уголовный процесс.

вают значение, и оценка доказательств, став деятельностью мыслительной, во всех частях требует участия критической мысли на почве реальных фактов».³

Но способ оценки этих доказательств не имеет прямого отношения к вопросу о делении доказательств. Сколько в этот вопрос внесено различными учеными путаницы можно судить, например, по высказываниям такого крупного буржуазного процессуалиста, как Kleinschrod, который, возражая против косвенных доказательств, писал: «Доказательство посредством умозаключений — самое опасное и обманчивое», будто при прямых доказательствах нет места для судейского умозаключения.⁴

Вопреки всем доводам против разделения доказательств на прямые и косвенные, такое деление неизбежно, потому что такие доказательства имеются в жизни. В действительности имеются доказательства, прямо, непосредственно удостоверяющие искомый факт (*factum probandum*), и доказательства, удостоверяющие этот факт посредством других доказательств, лишь косвенно относя-

³ Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, СПб, 1899, т. II, стр. 230.

⁴ См. Жиряев, Теория улик, 1855, стр. 24. Здесь же (стр. 24) у Жиряева можно прочесть об уликах (косвенных доказательствах), что «вся статья об уликах представляется в современной юриспруденции каким-то необыкновенно запутанным, целые столетия длящимся процессом, акты коего возросли до огромной массы фолиантов, где беспристрастный исследователь истины легко может потеряться в основаниях *pro et contra*». Путаницы за прошедшее с того времени почти столетие в этом вопросе меньше не стало. В советской юридической литературе этой путанице немало способствуют некоторые авторы, механически воспроизводящие в своих учебниках, ошибочные взгляды старых юристов. См., например, Чельцов-Бебутов, Советский уголовный процесс, 1929, вып. II, стр. 129, где весь вопрос о делении доказательств на прямые и косвенные автор умудрился уместить на одной странице, половину которой отвел к тому же большой и некстати заимствованной шпате из «Опыта теории косвенных улик» Уильза, что окончательно запутало все изложение. В учебнике «Уголовный процесс» 1948 г., проф. Чельцов-Бебутов в значительной мере устранил указанные выше недостатки.

щихся к искомому факту (главному факту). Первые — это прямые доказательства, вторые — косвенные.⁵

Таким образом, деление доказательств на прямые и косвенные вполне естественно и жизненно, так как соответствует тому, что имеет место в жизни, в действительных жизненных отношениях. Однако, признавая законность такого деления доказательств, мы решительно отвергаем противопоставление одних другим, как более достоверных менее достоверным.

Об этом более подробно будет сказано ниже. Сейчас мы ограничиваемся сказанным лишь для того, чтобы показать тщетность и несостоятельность попыток отрицать деление доказательств на прямые и косвенные, ибо такое деление вполне жизненно и естественно, оправдано всей судебной практикой.

Доказательства классифицируются также *по предмету и по источнику*. По предмету — доказательства делятся на обвинительные и оправдательные. По источнику — они делятся на непосредственные и посредственные.

Классификация доказательств по предмету нам представляется неправильной, чисто схоластической, искусственной. Деление доказательств на обвинительные и оправдательные крайне условно и говорит скорее о направлении использования или оценки того или иного доказательства, чем о его природе. Нередки в судебной практике случаи, когда обстоятельство, фигурировавшее на предварительном следствии в качестве обвинительного, в процессе судебного анализа теряет это свое значение, так сказать, нейтрализуется и даже при определенных условиях превращается в оправдательное.

В качестве примера можно сослаться на такой имевший место в судебной практике случай. Гр-н А. был привлечен к ответственности за соучастие в производстве аборта его жене. Основанием послужило то обстоятельство, что гр-н А. был в помещении

⁵ «Доказательством прямым, — читаем мы у Владимирова, — называется такое, которое основывается на чувственном восприятии, непосредственном (судьи) или посредственном (других людей), сообщенном ,судье; доказательством косвенным, уликою, называется такое обстоятельство, из которого делают заключение к искомому факту (factum probandum)».

Bonnier («Traité meonque et pratique des preuves en droit civil et en droit criminel») делит доказательства на доказательства в собственном смысле (preuves proprement dîtes), прямые доказательства, предположения, презумпции (presomptions) и косвенные доказательства (preuve de preuve).

Глазер (Handbuch des Strafprozesses, Bd. I, § 37) совершенно произвольно характеризует косвенные доказательства, как «искусственные» (kunstliche), дающие лишь «моральную уверенность», в противоположность прямым доказательствам, дающим якобы «эмпири-историческую истину или истину математическую».

квартиры врача Б., совместно с женой, а также то, что из квартиры врача гр-н А. вызвал по телефону карету скорой помощи, которая и доставила потерпевшую в городскую больницу, где потерпевшая вскоре и умерла. Гр-н А. изложенные факты признал, но в оправдание утверждал, что на квартире врача он оказался будучи вызван туда врачом известившим его об опасном положении его жены, что карету скорой помощи он вызвал для спасения погибавшей жеван, что он всячески противодействовал намерению жены произвести аборт и накануне отказал ей в деньгах для операции, что он по собственной инициативе явился в прокуратуру и сообщил о преступлении врача, назвав его фамилию и адрес, которых до события он совершенно не знал.

Вот обстоятельства, являющиеся доказательствами по данному делу. Но каковы они — обвинительные или оправдательные? Этот вопрос может быть решен лишь в зависимости от того, соответствует ли версия гр-на А. действительности. Это должен проверить суд. В случае неподтверждения этой версии все изложенные факты всей своей тяжестью лягут на чашу судебных весов против гр-на А., в случае подтверждения — за него, против обвинения. В первом случае доказательства эти сыграют обвинительную роль, во втором — оправдательную.

Следовательно, квалифицировать те или другие доказательства как обвинительные или оправдательные заранее, исходя из их так называемой природы, нельзя. Доказательства — это факты, факты же есть факты. Их оценка, их значение зависят не только от них самих, от того, как они выглядят или воспринимаются сами по себе, но в немалой степени еще и от сочетания этих фактов с другими фактами, с другими обстоятельствами дела, вне связи с которыми, изолированно, нельзя правильно ни воспринять, ни понять, ни оценить ни одно обстоятельство дела.

Поэтому деление доказательств на обвинительные и оправдательные нельзя признать правильным и целесообразным, не говоря уже о том, что в отнесении доказательств к одной или другой категории играет важнейшую роль субъективная точка зрения следователя, прокурора, адвоката или судьи. То, что одному кажется доказательством, изобличающим в преступлении, другому таковым не кажется и им отрицается, например, знакомство данного лица с лицом, совершившим преступление, их частые встречи до и особенно после совершения преступления, может быть даже более тесные отношения, дружба. В одних случаях такие факты могут служить в некоторой степени обвинительным материалом, в других — нет. В одних случаях они могут уличать в соучастии, в других — доказывать отсутствие не только соучастия; но даже осведом-

ленности о готовящемся преступлении. Это последнее особенно правильно тогда, когда преступник афиширует свои связи с людьми, пользующимися хорошей репутацией, чтобы отвести от себя всякое подозрение в преступных замыслах и подготовке преступления, чтобы, таким способом лучше и надежнее замаскироваться.

Можно было бы говорить об обвинительных и оправдательных доказательствах лишь после того, как эти доказательства были испытаны в своем качестве в огне судебного следствия, после того, как их обвинительное или оправдательное значение определилось в самом исходе процесса. Но классификация доказательств имеет смысл не после того, как доказательства были применены на практике, а до этого применения, для того, чтобы, пользуясь пониманием их особенностей, лучше применить их на практике. Иначе всякого рода теоретические анализы теряют всякое практическое значение.⁶

Деление доказательств на непосредственные (или первоначальные) и посредственные (или производные) вполне целесообразно и полностью оправдывается интересами правильного построения процесса. Однако и здесь необходимо предостеречь от попыток это разделение доказательств свести к противопоставлению одних доказательств (и именно непосредственных), как лучших (ср. a best evidence английского права), другим (и именно посредственным), как худшим. Неправильно также мнение, что при оценке посредственных доказательств суду или следствию приходится более критически относиться к осуществляемому при этом умственному процессу.⁷ Умственный процесс и в том и в другом случае остается аналогичным. Более правильно указание, что при оценке посредственных доказательств, т. е. тех, которые суд получает, как иногда выражаются, хотя и не совсем точно, из вторых рук, необходимо больше внимания, осторожности и вдумчивости. Здесь действует правило, которое мы обязаны применять и применяем и при косвенных доказательствах, а именно — что степень достоверности и убедительности этих доказательств обратно пропорциональна их удаленности от главного предмета доказывания (factum probandum): чем *больше* это расстояние, тем *меньше* эта достоверность.

Десятая копия (копия с копии) может быть менее достоверной, чем вторая копия и тем более чем сам подлинник. Сви-

⁶ Ввиду высказанных выше соображений нельзя согласиться с делением доказательств на обвинительные и оправдательные и определением улики как обвинительного доказательства (см., например, Строгович, Уголовный процесс, 1946, стр. 165). Улики — это косвенные доказательства, каковыми могут быть обстоятельства как уличающие обвиняемого, так и оправдывающие его.

⁷ См. Случевский, Учебник русского уголовного процесса, СПб. 1892, ч. II, стр. 165.

детель, осведомленный о каком-либо событии третьими и десятками лицами, предполагается менее достоверным, чем очевидец.

По поводу этого вида доказательств в английском праве имеется ряд интересных, безусловно, практически ценных указаний. Хотя английское право и рассматривает, вообще говоря, доказательство из вторых рук (*second hand evidence* или *hearsay evidence* — свидетельство по слуху) как недостоверное доказательство, но оно допускает это доказательство в некоторых исключительных случаях.⁸ С тем категорическим отрицанием достоверности производных или посредственных доказательств, которое характерно для английского права, конечно, нельзя согласиться, так как и показания свидетелей «из вторых рук», и неподлинны письменные документы могут быть достаточно вескими судебными доказательствами. Тем не менее, основное значение правила, устанавливающего обратную зависимость между убедительностью и достоверностью доказательства и его удаленностью от главного предмета доказывания, несомненно.

Сформулированное в этом правиле требование обращаться в первую очередь к первоисточникам вполне разумно и закономерно. Во всяком, случае, надо помнить, что так называемое производное доказательство, исходящее из недостаточно твердого и точно установленного источника, не может иметь никакого судебного, процессуального значения и должно быть отвергнуто. Это — глубоко принципиальный вопрос, нашедший свое исчерпывающее разрешение в нашем праве в ст. 285 УПК РСФСР, гласящей: «Допрос начинается предложением свидетелю рассказать все, что ему лично известно по делу, избегая изложения сведений, источник которых им не может быть указан». Сам закон, таким образом, предостерегает против доказательств из вторых рук, как недостаточно обоснованных и лишаящих суд возможности базировать на таких доказательствах свое решение.

Таким образом, классифицировать доказательства возможно по двум основаниям: 1) по их источнику и 2) по их отношению к искомому факту. Как мы видели выше, деление доказательств по этим основаниям имеет большое практическое значение как в следственной, так и в судебной работе.

Наконец, следует особо остановиться на вопросе о системе доказательств. Теория процессуального права обычно этого вопроса не затрагивает. Между тем, изучая доказательственное право той

⁸ Например, оглашение в суде показаний, данных на предварительном следствии свидетелями, не явившимися по уважительным причинам в заседание суда. (См. Best, *The principles of the law of evidence*, London, 1875, ch. IV. p. 630.)

или другой страны и эпохи, мы вступаем именно в область системы доказательств, представляющей собой не простую совокупность отдельных видов доказательств, а такую совокупность, в которой виды доказательств находятся в их внутренней связи, опираются на общие для них принципы, на общие правила их собирания, пользования и оценки. Нельзя представлять дело таким образом, что каждый вид доказательств замкнут в самом себе, не имеет связи с другими видами доказательств и что пользование данными доказательствами и оценка этих доказательств не подчинены общим, обязательным для каждого вида доказательств законам системы процессуального права.

Рассматривая различные теории доказательств — теорию формальных доказательств, английскую теорию, теорию внутреннего убеждения, мы имели возможность проследить и установить в каждой из систем доказательств особые, характерные для всех доказательств данной эпохи черты, установить общие для всех них принципы, определяющие их процессуальную роль и значение.

Так, в теории формальных доказательств таким общим принципом явилось начало легальности, своими качествами формально-логического порядка характеризовавшее и каждое доказательство в отдельности, и все эти доказательства в их совокупности. Это и обусловило право говорить о системе формальных доказательств.

Английское доказательственное право характеризуется новыми принципами, созданными длительным опытом английских судов на основе так называемого *law of evidence*. Здесь мы имеем в качестве руководящего начала принцип внутреннего убеждения судей, пользующихся выработанными судебной практикой правилами о достоверности и допустимости доказательств, а также о способах доказывания. Это начало придает английскому доказательственному праву известное своеобразие. Это начало объединяет и превращает правила, относящиеся к данному предмету, в законченную доказательственную систему.

Аналогичное положение мы имеем и с современными доказательствами системами других капиталистических стран. Здесь господствует начало так называемой свободной оценки доказательств, придающее правилам и принципам, на которые они опираются, особые отличия, позволяющие объединить эти правила также в особую *систему* доказательств — систему так называемой свободной оценки по внутреннему убеждению и совести судей.

Таким образом, каждая эпоха и каждый общественно-политический строй любой страны, создавшей свою судебную и процессуальную систему, имеет и свою систему доказательств.

Советское процессуальное право, принципиально отличное от процессуального права капиталистических стран, создало также свою *систему доказательств*. Выше мы говорили уже о принципах советского доказательственного права. Все лучшее, оправданное наукой, что создало процессуальное право других народов, усвоено советским процессуальным правом и переработано в соответствии с новыми историческими требованиями социалистического государства рабочих и крестьян.

Советская система доказательств опирается на принцип внутреннего убеждения, именно социалистического убеждения судьи, вооруженного социалистическим правосознанием и подлинно научной, марксистско-ленинской методологией. Каждый вид доказательств и каждое доказательство в отдельности в этих принципах социалистического судебного права получили общую для них всех почву и общий руководящий источник для своего практического применения.

Система доказательств в советском праве характеризуется глубиной, последовательностью и единством лежащих в ее основе принципов. Эти принципы являются путеводной нитью для судебных и следственных работников в их сложной работе по собиранию, использованию и оценке доказательств.

С точки зрения этих принципов необходимо изучение и каждого отдельного вида судебных доказательств, назначение которых состоит в установлении судебной истины, в обеспечении правильного и справедливого решения уголовных и гражданских дел.

А И. Трусов

Основы теории судебных доказательств. (краткий очерк). М, 1960, с. 52-68

КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Классификация судебных доказательств помогает правильно использовать их для установления истины и анализировать в научных или учебных целях.

В советском уголовном процессе доказательства принято делить на:

- 1) обвинительные и оправдательные⁹;
- 2) первоначальные и производные;
- 3) прямые и косвенные¹⁰.

Доказательства обвинительные и оправдательные

Обвинительными называются такие доказательства, которые устанавливают обстоятельства, уличающие обвиняемого или отягчающие степень его ответственности. Оправдательными считаются доказательства, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность.

⁹ В гражданском процессе, как правило, нет надобности делить доказательства на обвинительные и оправдательные. Поэтому там обычно принято делить доказательства на первоначальные и производные и на прямые и косвенные. Некоторые авторы различают там также доказательства:

а) по источнику, из которого черпаются сведения, — личные и вещественные;

б) по форме, в которой выражаются полученные судом сведения, — устные, письменные и вещественные. (См. К. С. Юдельсон. Судебные доказательства в гражданском процессе, М., 1936, стр. 32).

¹⁰ С. А. Голунский склонен считать, что принятие новых Основ уголовного судопроизводства влечет за собой необходимость пересмотра общепринятой у нас классификации доказательств. (См. «Советское государство к праву» 1959 г. № 2, стр. 55).

В предыдущей главе было показано, что новый закон, подчеркивая первостепенное значение фактов как основы доказательств и необходимость фактической обоснованности всех выводов следствия и суда, тем не менее, не устранил (и не мог естественно этого сделать в силу объективных причин, не зависящих от воли законодателя) двойственного понимания доказательств (как фактов и как источников получения фактов). Общепринятая система классификации доказательств основана на двойственном их понимании. Следовательно, оснований для пересмотра общепринятой классификации доказательств, по-видимому, не имеется.

Основанием этого деления является различное отношение доказательств к обвинению. Одни из них могут устанавливать виновность обвиняемого в совершении преступления, доказывать наличие обстоятельств, отягчающих ответственность преступника. Другие доказательства могут опровергать наличие преступления, опровергать факты совершения его обвиняемым либо устанавливать наличие таких обстоятельств, которые свидетельствуют о меньшей степени опасности лица, совершившего преступление. Поэтому и принято делить доказательства на обвинительные и оправдательные.

Именно из этого исходил Пленум Верховного Суда СССР, который в своем известном постановлении 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре» обязал суды при вынесении обвинительного приговора указывать доказательства, положенные в основу обвинения, и приводить мотивы, в силу которых суд принял эти доказательства и отверг доказательства, оправдывающие обвиняемого. Пленум обязал суды при вынесении оправдательного приговора указывать обстоятельства, опровергающие доказательства, на которых было основано обвинение по обвинительному заключению.

Деление доказательств на обвинительные и оправдательные прямо вытекает и из положений закона.

Так, ст. 111 УПК РСФСР обязывает следователя при производстве предварительного расследования выяснить и исследовать обстоятельства, уличающие и оправдывающие обвиняемого, а равно и усиливающие или смягчающие степень и характер ответственности.

Данное положение как имеющее принципиальное значение не только для следователя, но и для других участников уголовного процесса нашло свое дальнейшее развитие в новых Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. В ст. 14 этого закона сказано: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства».

Делить доказательства на обвинительные и оправдательные практически не всегда легко, так как встречаются такие доказательства, которые в одной части обвиняют, а в другой оправдывают. Кроме того, видимая, кажущаяся связь доказательства с обвинением зачастую не совпадает с реальной, действительной связью. Например, доказательство нередко может казаться обвинительным. При более же глубоком исследовании этой связи выясняется, что доказательство оказывается оправдательным. Может случиться и наоборот.

рот. Однако какие бы ни были на этом пути трудности, вопрос о том, какие доказательства являются обвинительными и какие — оправдательными, неизбежно приходится решать по любому делу, ибо от этого зависит решение вопроса о виновности обвиняемого. Окончательно выясняется отношение доказательств к обвинению в судебном разбирательстве. Предварительное деление доказательств на обвинительные и оправдательные осуществляет следователь при составлении плана расследования, при решении вопроса о привлечении лица в качестве обвиняемого, во время окончания предварительного следствия и составления обвинительного заключения; прокурор — при утверждении обвинительного заключения, судьи — во время предания суду, в судебном разбирательстве, и т. д.

Именно поэтому деление доказательств на обвинительные и оправдательные в настоящее время общепризнанно в советской процессуальной литературе. А. Я. Вышинский возражал против этого деления доказательств. Свои возражения он основывал на том, что при «отнесении доказательств к одной или другой категории (то есть к обвинительным или оправдательным, — А. Т.) играет важнейшую роль субъективная точка зрения следователя, прокурора, адвоката или судьи».¹¹

С этим доводом вряд ли можно согласиться. Дело в том, что каждое доказательство, есть факт, существующий вне и независимо от сознания следователя, судьи, прокурора и адвоката. Связь этого факта с предметом дела, ее характер (то есть говорит ли доказательство за или против обвинения) тоже не зависят от чьего-либо мнения об этой связи, ибо она существует объективно. Следовательно, никто не в силах превратить ни одно действительное обвинительное доказательство в оправдательное и наоборот. И если мнения по поводу одного и того же доказательства при отнесении его к обвинительным или оправдательным оказываются противоречивыми, то это значит просто, что некоторые из них не соответствуют фактам действительности и их необходимо привести в соответствие с объективной реальностью. Например, в жизни случается, что, по мнению одного судьи доказательство расценивается как обвинительное, а, по мнению другого — как оправдательное. Нередко приходится менять свое мнение о том или ином доказательстве одному и тому же следователю, прокурору, судье и т. д.

Объясняется это не тем, что доказательство меняет свои объективные свойства в зависимости от изменения наших мнений о нем, а тем, что, наши мнения постепенно приходят в соответствие с

¹¹ А.Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 254.

фактами объективной реальности. Случается и так, что само доказательство внешне как бы изменяет свои свойства. Например, на предварительном следствии свидетель давал показания, уличающие обвиняемого, а на суде вдруг стал давать показания, оправдывающие его. Это некоторыми процессуалистами рассматривается как «превращение» обвинительных доказательств в оправдательные.¹² Едва ли такое утверждение правильно. Ни о каком «превращении» доказательств не может быть и речи. В приведенном примере можно говорить о появлении по делу нового доказательства, ибо при изменении свидетелем своих показаний на суде мы не можем оставить без внимания и его прежние показания. Здесь налицо два противоречивых доказательства, одни из которых — обвинительное, а другое — оправдательное. Задача суда в подобных случаях будет состоять не в том, чтобы одно из показаний принять за веру, а другое оставить без внимания, а в том, чтобы найти, какое из них является ложным и опровергнуть его.

Таким образом, деление доказательств на обвинительные и оправдательные следует признать приемлемым как с теоретической, так и с практической точек зрения.

§ 2. Доказательства первоначальные и производные

В основу такого деления доказательств положены особенности источников, из которых черпаются сведения о фактах.

Первоначальными (или первичными) называют доказательства, полученные из первоисточника. Например, первоначальными будут показания свидетеля-очевидца, показания обвиняемого о своих собственных действиях, подлинные документы, подлинные вещественные доказательства и т. п. Доказательства, не являющиеся первоисточниками и отражающие содержание сведений, полученных из других источников, называют производными (или вторичными). Например, производными будут копии документов, показания свидетелей со слов других лиц и т. д.

Таким образом, деление доказательств на первоначальные и производные основано на их различии *по источнику*¹³

¹² См. М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс, М., 1951, стр. 156; А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 253; М. Л. Шифман, Основные вопросы теории советского доказательственного права, М., 1956, стр. 32—33.

¹³ К. С. Юдельсон формулирует это положение несколько иначе, считая, что основанием для деления доказательств на первоначальные и производные является характер образования (формирования) доказательства. «Если доказательство образуется в результате непосредственного воздействия предмета доказывания на источник доказательств, то налицо будет первоначальное доказательство» (См. его же, Судебные дока-

Значение деления доказательств на первоначальные и производные состоит в том, что производное доказательство отражает устанавливаемый им факт не непосредственно, а через посредство других источников. При пользовании производным доказательством повышается вероятность искажения фактов. Следовательно, органы следствия и суд в каждом деле должны стремиться отыскать первоисточники.

Однако нет никаких оснований пренебрегать производными доказательствами. Они требуют лишь более тщательной проверки. Когда первоисточник утрачен либо когда получить его трудно, правильное решение по делу может быть вынесено и на основании производных доказательств.

Производные доказательства, кроме того, имеют большое значение и в другом отношении.

Во-первых, с помощью производных доказательств во многих случаях удается найти другие доказательства и, в частности, обнаружить первоначальные. Например, если свидетель дал показания о фактах со слов других лиц, то можно найти и допросить этих лиц или найти другие источники сведений о фактах.

Во-вторых, производные доказательства можно использовать для проверки других доказательств путем сопоставления содержащихся в них данных.

§ 3. Прямые и косвенные доказательства

Мы уже видели, что доказывание главного факта может осуществляться прямыми, и косвенными путями.

Это различие в способах доказывания основано на различном отношении доказательств к главному факту, на различном отражении ими главного факта.

Средствами для прямого способа доказывания главного факта служат такие источники доказательств, которые прямо указывают на главный факт, то есть которые осведомляют о самих фактах, «имеющих уголовно-правовое значение для дел.

Если же источники доказательств прямо не указывают на главный факт, а содержат такие доказательственные факты, которые указывают лишь на его признаки, то такие источники доказательств позволяют устанавливать главный факт косвенным путем.

зательства в гражданском процессе, М., 1956, стр. 46). «Доказательство является производным (посредственным), если оно образовалось под влиянием другого источника доказательства, а не самого предмета доказывания» (там же).

На этом различном отношении доказательств к главному факту основано не только различие прямого и косвенного способов доказывания, но и деление доказательств на прямые и косвенные.

Доказательства называются прямыми, когда они прямо указывают на главный факт, то есть когда они устанавливают сами факты, имеющие уголовно-правовое значение по делу (юридические факты).

Прямыми доказательствами являются показания свидетелей — очевидцев преступления, показания обвиняемого относительно других соучастников преступления, совершавших преступные действия вместе с ним, или о своих собственных преступных действиях и т. п.

К косвенным относятся доказательства, которые прямо не указывают на главный факт, а устанавливают лишь побочные обстоятельства (его признаки), которые в их совокупности и взаимосвязи позволяют сделать вывод о фактах, имеющих уголовно-правовое значение по делу.¹⁴

Деление доказательств на прямые и косвенные относится как к источникам доказательств, так и к доказательственным фактам.

В литературе предпринимались попытки дать более или менее стройную классификацию фактов, могущих быть косвенными доказательствами. Подобная исчерпывающая их классификация едва ли возможна. В этом отношении можно дать примерный ориентировочный перечень наиболее типичных фактов.

К косвенным относятся, прежде всего, различные виды вещественных доказательств:

1) предметы, служившие орудиями совершения преступления (кастет, нож, пистолет, отмычка и т. п.);

¹⁴ Некоторые авторы разграничение между прямыми и косвенными доказательствами усматривают в различии связей — однозначных и многозначных — между доказательством (фактом) и юридическим фактом, подлежащим установлению в деле. С этой точки зрения однозначная связь между ними дает возможность сделать только один вывод об искомом факте, вследствие чего доказательство в таком случае будет прямым. Если связь многозначна, то доказательство будет косвенным. (См. С. В. Курьев, *Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе*, автореферат кандидатской диссертации, М., 1953; О. В. Никренц, *Судебная версия как разновидность гипотезы*, автореферат кандидатской диссертации, М., 1954; К. С. Юдельсон, *Судебные доказательства в гражданском процессе*, М., 1956, стр. 47—48). Представляется, что мнение этих авторов вряд ли можно признать правильным, ибо связь между доказательством (фактом) и предметом доказывания бывает однозначной не только в прямом, но вполне может быть и в косвенном доказательстве. Например, факт обнаружения у обвиняемого вещи, которую он похитил у потерпевшего, связан с преступлением (хищением данной вещи) отнюдь не многозначно, а только однозначно, так как эта вещь оказалась у обвиняемого лишь вследствие единственной причины — хищения ее обвиняемым у потерпевшего. Подобных примеров можно привести сколько угодно.

2) следы преступления или преступника (пальцевые отпечатки, следы ног преступника на месте происшествия, следы орудий, которыми он там действовал и т.д.);

3) предметы, явившиеся объектами преступных действий (похищенные ценности, поддельные документы и т. п.);

4) продукты преступной деятельности (например, изготовленный преступниками самогон для продажи, фальшивые денежные знаки);

5) различного рода предметы, оставленные преступником на месте преступления (окурки, обрывки газеты, оторвавшаяся от одежды пуговица);

6) предметы, служившие средствами сокрытия преступления (например, С. с целью сокрытия убийства своей жены в течение нескольких лет от ее имени направлял из разных городов родственникам и знакомым жены специально изготовленные, письма и фотографии ее с другим лицом (фотомонтажи)).¹⁵

Косвенными могут являться и такие факты, как: 1) обладание каким-либо предметом, относящимся к преступному событию (орудие преступления, объект преступного посягательства); 2) нахождение обвиняемого на месте совершения преступления в момент самого преступления; 3) наличие мотивов к совершению преступления; 4) различного рода обстоятельства, не посредственно предшествовавшие или сопутствовавшие преступному событию либо так или иначе связанные с его последствиями (например, заметное изменение образа жизни обвиняемым после преступления, совершение им материальных затрат, не соответствующих получаемым доходам, после происшедшего хищения ценностей).

Следует также указать на некоторые факты, не являющиеся косвенными доказательствами виновности обвиняемого, но иногда ошибочно принимаемые за такие доказательства. К такого рода фактам относятся:¹⁶

1) факты, сходные с фактами данного дела, но не связанные с ним причинно (например, не является косвенным доказательством то обстоятельство, что несколько однородных преступлений были совершены в определенном месте одинаковым способом. Такие факты имеют лишь значение для построения версий и для облегчения розыска);

2) факты, характеризующие обвиняемого с отрицательной стороны (прежняя судимость, аморальные поступки и т. п.) не могут

¹⁵ Пример взят из книги М. М. Выдря, «Вещественные доказательства», М., 1955, стр. 36.

¹⁶ Приводимый здесь перечень, взят из работы М. С. Строговича, «Курс советского уголовного процесса», М., 1958, стр. 215.

служить доказательством его виновности, но подлежат лишь учету при определении меры наказания, когда вина доказана;

3) поведение обвиняемого на следствии и в суде по его делу. Отказ обвиняемого давать показания, дача противоречивых и даже ложных показаний — все это может свидетельствовать о неправильных методах защиты, но само по себе не может рассматриваться в качестве доказательств виновности, ибо практика знает немало случаев, когда такого рода поступки совершали заведомо невиновные люди.

Практика знает множество случаев, когда источник доказательства устанавливает главный факт не целиком, а лишь указывает на отдельные, существенные его элементы, например, на объективную сторону, на объект посягательства и т. п.

Следует ли такие доказательства считать прямыми или же это будут доказательства косвенные?

По этому вопросу существуют в процессуальной литературе две точки зрения. Одни авторы считают такие доказательства прямыми¹⁷, другие, наоборот, относят их к косвенным.¹⁸

Представляется, что правильна первая точка зрения, а не вторая.

Основанием для деления доказательств на прямые и косвенные является отношение их к главному факту, а отнюдь не степень их достоверности; Если доказательство прямо указывает на главный факт, то оно является прямым. Если же оно указывает не на главный факт, а на какой-либо побочный (то есть не юридический) факт, являющийся в свою очередь признаком одного из юридических фактов, то оно будет косвенным.

Чтобы доказательство прямо указывало на главный факт, вовсе необязательно, чтобы оно «характеризовало главный факт в целом», то есть воспроизводило полную картину всех юридических фактов, составляющих содержание главного факта. Совершенно очевидно, что оно будет прямо указывать на главный факт и в том случае, если будет содержать сведения хотя бы об одном из юридических фактов. Например, если группа грабителей совершила нападение одновременно на нескольких граждан, то показание любого из потерпевших будет прямо указывать на главный факт как в том случае, когда потерпевший сумеет рассказать о всех подробностях

¹⁷ См. «Советский уголовный процесс», под редакцией Д. С. Карева, М., 1953, стр.71.

¹⁸ См. А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов, Косвенные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 16—17. См. также М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 240.

преступных действиях грабителей и о приметах каждого из них, так и в случае, если по тем или иным причинам (ночной мрак, обморочное состояние от полученных ударов и т. п.) ему не удастся этого сделать, и он сможет из всей картины преступления воспроизвести всего лишь незначительную ее часть, осветить всего лишь один из фактов, имеющих уголовно-правовое значение. Практике известны случаи, когда потерпевшая, подвергавшаяся изнасилованию, по тем или иным причинам не может не только назвать каких-либо примет насильника, но и указать место, где она подверглась нападению, точное время, когда произошло событие, и т. п. И все же, если в показании потерпевшей будет упомянут хотя бы один из фактов, имеющих юридическое значение, то это показание будет прямо указывать на главный факт, будет прямым доказательством.

Таким образом, для того чтобы доказательство могло быть отнесено к прямым, а не к косвенным, достаточно, чтобы оно воспроизводило хотя бы один из юридических фактов, входящих в состав главного факта, и вовсе необязательно, чтобы оно «характеризовало главный факт в целом»¹⁹.

Косвенные доказательства могут быть обвинительными и оправдательными. Они могут также делиться на первоначальные и производные.

В советском уголовном процессе нет никаких оснований для какого-либо противопоставления косвенных и прямых доказательств. Ни одни из них заранее не могут рассматриваться как более достоверные, более надежные. Как косвенные, так и прямые доказательства могут в одинаковой мере служить надежным средством установления истины.

Вместе с тем каждый из этих видов доказательств при пользовании ими требует учета их специфики.

Так, решение вопроса об относимости прямых доказательств во многих случаях не вызывает особых затруднений. В них непосредственно содержатся сведения об одном или нескольких юридических фактах по делу. Поэтому, установив достоверность прямого доказательства, мы сразу же в большинстве случаев сможем решить вопрос об его относимости.

Сложнее решается этот вопрос, когда доказательства по делу бывают косвенными. О каждом из них в отдельности нельзя сразу сказать, относится или не относится оно к делу, как невозможно по одному очень маленькому кусочку, оторванному от какой-нибудь

¹⁹ Убедительная критика противоположной точки зрения содержится в рецензии И. Малазова на книгу А. Винберга, Г. Миньковского, Р. Рахунова «Косвенные доказательства в советском уголовном процессе» (см. «Социалистическая законность» 1957 г. № 12, стр. 77—79).

картины, сразу сказать, оторван ли он от данной картины или от какой-либо другой.

Относящимися к делу будут лишь те доказательства, которые служат признаками хотя бы одного из юридических фактов, то есть те, которые, так или иначе, отразят его характерные черты, свойства и особенности.

Подобное отражение возможно в свою очередь лишь в том случае, когда устанавливаемый источником сведений факт как-то связан с исследуемыми по делу обстоятельствами, находится с ними в причинной зависимости.

Определить эту причинную связь бывает нелегко, так как она проявляется порой в довольно сложных формах.

Виды связей между главным и доказательственным фактами в свое время исследовались русским дореволюционным юристом А. Жиряевым²⁰ и рядом других авторов. В советской литературе на этот вопрос, в частности, обратил внимание М. С. Строгович.²¹

Наиболее типичны следующие основные виды причинной связи между главным и доказательственным фактами в косвенных доказательствах.

1. Главный факт может быть причиной доказательственного факта.

Например, по делу об убийстве у обвиняемого был изъят финский нож, на котором были обнаружены сгустки человеческой крови, совпадающей по группе с кровью убитого. Впоследствии было установлено, что именно этим ножом и было совершено убийство. Наличие пятен крови на ноже здесь было именно таким доказательственным фактом, который был порожден самим фактом преступления, то есть явился следствием преступления. По следствию мы узнаем здесь о наличии причины.

2. Доказательственный факт может быть сам причиной по отношению к главному факту. Например, наличие вражды между обвиняемым и потерпевшим может стать причиной убийства последнего или причинения ему телесных повреждений и т. п.

3. Главный и доказательственный факты могут быть следствиями какой-то общей для них причины. Например, по делу об убийстве было установлено, что обвиняемый еще при жизни убитого угрожал ему расправой. В дальнейшем было установлено наличие вражды между обвиняемым и убитым. Месть здесь явилась общей причиной и для высказывания угроз, и для убийства,

²⁰ См. А. Жиряев, Теория улик, Дерпт, 1855, стр. 49—51,

²¹ См. М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 351—357.

4. Доказательственный факт может явиться по отношению к главному факту одним из условий преступного события.

Например, в одном из складов через форточку окна складского помещения было совершено хищение имущества. На снегу против самой форточки оказались следы сапог, принадлежащих обвиняемому. Впоследствии установлено, что эти следы действительно были оставлены обувью обвиняемого, когда он приходил к складу для того, чтобы совершить хищение.

В какой связи в данном случае находится факт наличия следов на снегу с событием преступления?

Здесь наличие следов на снегу не составляет ни причины преступления, ни его следствия. Следы на снегу здесь есть следствие присутствия обвиняемого в данном месте. А его присутствие являлось условием совершения преступления.

Косвенный доказательственный факт, если рассматривать его по делу изолированно от других фактов, позволяет допустить несколько предположений, то есть несколько различных объяснений его причинной связи с устанавливаемыми по делу обстоятельствами.

Возьмем в качестве примера тот же факт обнаружения следов на снегу по делу хищения имущества из склада.

Эти следы могли явиться результатом случайного стечения обстоятельств. Например, обвиняемый мог случайно оказаться на этом месте. Также случайно там мог оказаться кто-нибудь другой, который ошибочно обул чужие сапоги. Далее, вполне могло быть и так, что подлинный преступник действительно был обут в сапоги, принадлежащие обвиняемому. Однако обвиняемый здесь вовсе не при чем, так как сапоги у него тоже были похищены и т. п.

Таким образом, для установления причинной связи доказательственного факта с главным фактом нужно исследовать все возможные (по обстоятельствам каждого случая) виды предполагаемой их связи. Если при таком исследовании нам удалось исчерпать все возможные по ходу дела виды этих связей и исключить их, кроме одной единственной, то эта единственная связь и будет действительной, реальной их связью.

Но для такого исследования причинной связи, очевидно, мы не можем ограничиться только одним каким-то фактом. Для этого нужна система взаимосвязанных фактов или, как говорят, цепь фактов.

Очень хорошо об этом сказал А. Я. Вышинский. «Связь косвенных доказательств между собой должна быть такой, — писал он, — чтобы все они являлись звеньями одной цепи: при выпадении од-

ного звена распадается вся цепь, теряют значение улики и каждое отдельное доказательство»²².

В литературе последнего времени появились возражения против этого положения.

И. Малхазов считает, например, сравнение косвенных доказательств с цепью неудачным.

«Если из металлической цепи, — пишет он, — выбить одно звено, то цепь распадется. Но этот процесс неизбежный в физическом мире нельзя механически переносить в теорию судебных доказательств. Вполне допустим случай, когда выпадение (вследствие опровержения противоуликой) одного доказательства из всей совокупности косвенных доказательств не повлечет за собой отказа от признания лица виновным»²³.

Как видим, И. Малхазов, прежде всего, возражает против механического перенесения некоторых понятий физического мира в теорию судебных доказательств. Но это возражение нельзя принять, ибо совершенно очевидно, что ни А. Я. Вышинский, ни те, кто с ним соглашаются в данном пункте, никогда и не думали переносить механически понятия «физического мира» (цепь) в теорию судебных доказательств. Речь, конечно, идет об определенном литературном приеме, о литературном сравнении, а отнюдь не об отождествлении в полном смысле слова «металлической цепи» с «цепью доказательств».

И как литературное сравнение оно представляется весьма удачным. Во всяком случае, оно гораздо удачнее, чем даваемое рядом зарубежных авторов сравнение косвенных доказательств с канатом, сплетенным из нескольких веревок²⁴.

В самом деле, канат ведь может держать подвешенный на нем груз и на одной из тех веревочек, из которых он сплетён, если конечно эта веревочка будет из достаточно прочного материала. С косвенными доказательствами обстоит совершенно иначе. Одно единственное косвенное доказательство ни при каких условиях не может обосновать обвинение. Оно сможет приобрести свой процессуальный вес и проявить свою доказательственную силу лишь только по связи с другими доказательствами. Поэтому для обоснования обвинения нужна именно система косвенных доказательств, а не одно доказательство. Причем каждое из доказательств этой системы должно быть связано между собой и с главным фактом таким образом, чтобы можно было через по средство всех других доказа-

²² А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 293.

²³ «Социалистическая законность» 1957 г. № 12, стр. 79.

²⁴ См. G. D. Mokes, An Introduction to Evidence, London, 1952, p. 414.

тельственных фактов логическим путем построить единую систему или цепь умозаключений, которая не прерывалась бы ни в одном из пунктов логического перехода от одного факта к другому. Если мы имеем по делу такую стройную систему взаимосвязанных фактов, позволяющих на их основе построить замкнутую непрерывную систему или цепь умозаключений, то в известном смысле правомерно будет и эту систему фактов сравнить с «цепью фактов», а отдельные факты — со «звеньями» этой «цепи».

Попробуем теперь из подобной замкнутой системы взаимосвязанных доказательственных фактов удалить хотя бы один факт. Система их сразу перестанет носить замкнутый характер, и попытка мысленно связать оставшиеся факты непрерывной цепью умозаключений окажется неудачной. Одного из звеньев в каком-то пункте логических переходов неизбежно будет недоставать, и вся система фактов будет допускать, по крайней мере, два одинаково возможных объяснения ее происхождения, две возможных по делу версии. Чтобы вывод о главном факте мог быть не вероятным, а достоверным, он должен быть единственным, исключаящим всякую иную версию по делу. Такой вывод будет возможен только в том случае, когда недостающее звено в данной системе фактов будет восполнено и система станет носить замкнутый характер.

Но если преступление имело место и обвиняемый действительно виновен в его совершении, то сколько существует фактов, могущих в равной мере служить недостающим звеном в системе фактов, обосновывающих версию обвинения?

Общеизвестно, что к любой истине всегда можно прийти многими путями. Если тезис истинен, то его всегда можно доказать различными системами доводов, различными системами умозаключений, основой для которых могут послужить различные «замкнутые системы фактов». Стало быть, если умело искать и систематизировать факты, отражающие картину преступления, то среди них можно всегда найти не только замену любому из уже имеющихся по делу фактов, но и найти замену всей системе собранных фактов, построить из вновь собранных данных несколько равноценных «цепей фактов». Причем каждая такая «цепь» может не хуже другой служить основанием для достоверных выводов по делу. Именно этим и объясняется нередко наблюдаемое в следственной и судебной практике явление, когда по делу оказываются опровергнутыми не одно, а даже несколько косвенных доказательств, и все же это не колеблет достоверности выводов о виновности обвиняемого. Если вывод достоверен, то цепь оставшихся фактов по делу, положенных в его основание, как уже было показано, должна быть обязательно замкнутой. Опровергнутые же факты при «замыкании» этой «цепи»

либо были излишними, оказавшимися элементами других, возможных «цепей», либо (если они были элементами именно данной цепи) их удалось заменить другими равнозначными фактами.

Таким образом, положение А. Я. Вышинского о том, что связь косвенных доказательств между собой должна быть такой, чтобы они все являлись звеньями одной цепи и что при выпадении одного звена распадается вся цепь и теряют значение все косвенные доказательства, является вполне правильным и весьма теоретически и практически ценным положением. Критика его не основательна.

С понятием косвенных доказательств тесно связано еще одно процессуальное понятие, обозначаемое термином «улики».

Что следует понимать под этим термином?

Термин этот употребляется, по крайней мере, в трех значениях:

1. Термином «улики» зачастую обозначаются вообще все косвенные доказательства. В таком значении этот термин употреблял А. Я. Вышинский²⁵. В этом же значении он употреблялся и в старой русской процессуальной литературе²⁶.

2. Далее, под «уликами» понимают только те косвенные доказательства, которые уличают обвиняемого, то есть косвенные доказательства обвинительного характера. В таком значении термин «улики», в частности, употребляет М. М. Гродзинский.²⁷

3. Наконец к «уликам» часто относят все вообще обвинительные доказательства, как прямые, так и косвенные.

Последнее значение термина «улики» соответствует общему словоупотреблению. Именно так разъясняется значение этого слова в известном словаре под редакцией Д. Н. Ушакова²⁸. В таком же значении термин «улика» встречается в советском уголовно-процессуальном законодательстве. Например, ст. 204 п. «б» УПК говорит о недостаточности улики для предания обвиняемого суду. Пункт «б» ч. 3 ст. 326 УПК говорит об оправдании подсудимого в случае недостаточности улики для его обвинения.

В этом же значении термин «улики» употребляет М. С. Строгович²⁹.

²⁵ См. А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 304—305.

²⁶ См. М. В. Духовской, Русский уголовный процесс, М., 1905, стр. 256.

²⁷ См. М. М. Гродзинский, Улики в советском уголовном процессе, М., 1944, стр. 79.

²⁸ См. Толковый словарь русского языка, т. 2, стр. 929.

²⁹ См. М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 248.

Поскольку последнее значение термина «улики» соответствует общему словоупотреблению, его придерживается и наш законодатель. Таким образом, было бы правильным считать уликами именно все вообще обвинительные доказательства независимо от того, являются ли они прямыми или косвенными.

М. С. СТРОГОВИЧ
Курс советского уголовного процесса, т. 1.
Москва, Издательство "Наука", 1968, с. 372-391

Классификация доказательств

§ 1. Обвинительные и оправдательные доказательства

По отношению к предмету обвинения доказательства делятся *на обвинительные и оправдательные.*

Обвинительные доказательства — это доказательства, которые уличают обвиняемого или усиливают его ответственность. К ним относятся доказательства, на которых основано обвинение или которые устанавливают обстоятельства, отягчающие ответственность обвиняемого.

Оправдательные доказательства — это доказательства, которые опровергают обвинение, устанавливают невиновность обвиняемого или меньшую его виновность, а равно доказательства, которые устанавливают обстоятельства, смягчающие ответственность обвиняемого.

Обвинительные доказательства, уличающие обвиняемого, называются *уликами.*

Деление доказательств на обвинительные и оправдательные имеет условный характер, так как далеко не всегда и не в отношении всех доказательств можно провести это разграничение: многие доказательства включают в себя одновременно и обвинительные, и оправдательные данные. Например, в показаниях одного и того же свидетеля могут содержаться данные, из которых одни подкрепляют обвинение, а другие говорят в пользу обвиняемого. Иногда бывает, что доказательство, первоначально использованное для обвинения и представленное в подтверждение обвинения, в ходе судебного следствия меняет свой характер и оказывается доказательством, оправдывающим обвиняемого.

Некоторые доказательства могут иметь вообще, так сказать, «нейтральный» характер: они не уличают и не оправдывают, а просто устанавливают некоторые обстоятельства совершенного деяния, например, место и время его совершения. Однако и такие доказательства при известных условиях получают обвинительный или оправдательный характер, например, когда время совершения преступления совпадает или не совпадает со временем на хождения обвиняемого на том месте, где совершилось преступление.

Деление доказательств на обвинительные и оправдательные относится к доказательствам в обоих их значениях, т. е. и к доказательственным фактам, и к источникам сведений о фактах. Например, обвинительным доказательством будет и показания свидетеля о враждебных отношениях между обвиняемым и потерпевшим, и самый факт таких отношений.

Оправдательным доказательством является и заключены эксперта о несовпадении группы крови, обнаруженной на одежде обвиняемого, с группой крови потерпевшего, и самый факт не совпадения этих групп крови.

Закон требует обязательного выявления по каждому уголовному делу как уличающих обвиняемого, так и оправдывающих обвиняемого обстоятельств, а также обстоятельств, отягчающих вину обвиняемого, и обстоятельств, смягчающих его вину (ст. Основ уголовного судопроизводства; ст. 20 УПК РСФСР).

Поэтому по каждому уголовному делу на следствии и на суде нужно тщательно собирать и проверять как обвинительные, так и оправдательные доказательства, нельзя упускать ни те, ни другие. В практике бывают случаи, когда упор делается на собирания обвинительных доказательств, а на оправдательные доказательства не обращается необходимого внимания; это есть нарушение законности, проявление одностороннего обвинительного уклона.

Далее, закон требует, чтобы при вынесении обвинительного приговора суд указывал в приговоре те доказательства, на которых основаны выводы суда, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства (ст. 314 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Здесь имеются в виду обвинительные доказательства, т. е. те, на которых основано обвинение, и оправдательные доказательства, которые суд отверг.

При вынесении оправдательного приговора суд должен указать в приговоре доказательства, послужившие основанием для оправдания подсудимого, и мотивы, в силу которых суд отверг доказательства, на которых было основано обвинение (те же статьи УПК РСФСР и других союзных республик). Здесь прямо указано различие обвинительных и оправдательных доказательств.

По любому уголовному делу обвинение может считаться доказанным лишь при условии, если имеющиеся в деле оправдательные доказательства проверены и опровергнуты. Вывод же суда о невиновности подсудимого, выраженный в оправдательном приговоре (равно как и прекращение дела), является обоснованным при условии, если проверены и опровергнуты (или признаны недостаточными) собранные по делу обвинительные доказательства.

§ 2. Первоначальные и производные доказательства

По отношению источника сведений о доказываемом факте к самому этому факту доказательства делятся на *первоначальные* и *производные*.

Первоначальными доказательствами называются доказательства, которые являются первоисточниками сведений о подлежащем установлению факте: подлинные документы, показания свидетеля-очевидца и т. п.

Производными доказательствами называются доказательства, не являющиеся первоисточниками сведений о подлежащем установлению факте, а содержащие сведения, взятые из другого источника: копии документа, показания свидетеля относительно того, что он слышал от другого лица и т. п.

Это деление доказательств относится к доказательствам, как источникам сведений о фактах, и не относится к доказательствам, как фактам, посредством которых доказываются другие факты. Это деление имеет большое значение. По существу в нем выражено очень важное требование, чтобы следствие и суд основывались на доказательствах, полученных из первоисточника, без промежуточных звеньев, так как доказательства, получаемые из «вторых рук», легче поддаются искажению.

Насколько это возможно в каждом отдельном деле, — зависит от конкретных обстоятельств дела, но принцип таков: получая сведения о том или ином факте, следует искать первоисточник данных сведений.

Так, например, если свидетель показал что-либо со слов другого лица, это лицо должно быть допрошено в качестве свидетеля. Тем самым производное доказательство заменяется первоначальным. Если к делу приобщена копия документа, имеющего доказательственное значение, должен быть истребован и приобщен подлинник.

Это положение опирается, прежде всего, на один из руководящих принципов уголовного процесса — на принцип непосредственности, согласно которому суд должен воспринимать сведения об обстоятельствах дела из первоисточника этих сведений. Но оно вытекает и из соображений практического порядка: при перепечатке документа в него всегда может вкрасться какая-либо неточность, ошибка; свидетель, показывающий то, что самому ему неизвестно, но что он лишь слышал от другого лица, очень часто может неправильно понять и, следовательно, неправильно передать слышанное.

Как правило, доказательственная сила доказательства снижается по мере удаления его от первоисточника сведений о доказываемом факте. Например, если свидетель показывает о каком-либо факте со слов другого лица, это показание менее доброкачественно чем показание свидетеля о факте, непосредственно им воспринятом; но если свидетель показывает о каком-либо факте со слов другого лица, которое само этот факт также не воспринимало, а слышало о нем от третьего лица, это показание будет еще менее доброкачественным. Это же относится и к доказательствам в виде документов.

Тем не менее, производные доказательства иногда имеют существенное значение для правильного разрешения дела:

1) производные доказательства могут служить необходимым средством для обнаружения первоначальных доказательств, которые без них оказались бы неизвестными следователю и суду. Например, свидетель дал показание о важных для дела фактах, о которых он узнал от другого лица. Это — производное доказательство, но из него следователь и суд узнают о лице, которое эти факты непосредственно восприняло, и допрашивают это лицо в качестве свидетеля. Тем самым следователь и суд при помощи производного доказательства получают первоначальное доказательство;

2) производные доказательства могут служить средством проверки первоначальных доказательств. Например, свидетель дал показание о лично им воспринятом факте; это — первоначальное доказательство. Но если есть данные, что свидетель об этом же факте рассказывал другому лицу, это последнее лицо должно быть вызвано и допрошено в качестве свидетеля для того, чтобы таким образом узнать, то же ли самое говорил первый свидетель в частной беседе, что он показал на допросе, или что-либо другое. Если окажется, что свидетель на допросе изложил какой-либо факт иначе, чем в беседе с другим лицом, это обстоятельство может оказаться очень существенным для оценки показаний свидетеля, может подорвать или уменьшить доверие к нему;

3) производные доказательства могут заменить первоначальные доказательства, если они утрачены, недоступны для следствия и суда. Например, по делу об убийстве потерпевший, пораженный выстрелом, перед смертью назвал присутствующим лицам имя убийцы. Допросить потерпевшего не удалось ввиду его тяжелого болезненного состояния и последовавшей вскоре смерти; свидетели же показали, что покойный назвал им убийцу. Несомненно, что показания этих свидетелей являются производными доказательствами, однако они очень существенны и необходимы вследствие полной невозможности получить первоначальное доказательство.

Если подлинник документа, имеющего значение для дела, уничтожен или утерян, приходится пользоваться его сохранившейся копией.

В случаях подобного рода производные доказательства нуждаются в особо тщательной проверке и подтверждении другими доказательствами.

Всякое доказательство, как уже отмечалось, нуждается в проверке, производное же доказательство требует особо тщательной проверки, особо критического отношения к нему, так как оно очень легко поддается искажению,

§ 3. Прямые и косвенные доказательства

Доказательства делятся на прямые и косвенные в зависимости от того, устанавливает ли доказательство главный факт - совершение обвиняемым инкриминируемого ему преступления — или доказательственный факт, т. е. какой-либо побочный факт, не входящий в главный факт, но который в совокупности с другими обстоятельствами дела служит основанием для установления главного факта.

Прямое доказательство устанавливает главный факт. Например, показание свидетеля-очевидца преступления о том, как обвиняемый на его глазах совершил преступление, это прямое доказательство. Показание обвиняемого, признавшего себя виновным и рассказавшего обстоятельства совершенного им преступления, — это также прямое доказательство.

Не следует думать, что само наличие прямого доказательства означает, что обвинение обязательно считается доказанным. Прямое доказательство, как и всякое доказательство, подлежит проверке и оценке, которые покажут — достоверно ли оно, или недостоверно, недоброкачественно. Например, свидетель-очевидец мог неправильно воспринять факт, о котором он показывает; мог ошибиться, а мог и сознательно исказить истину, дать ложное показание. Поэтому прямое доказательство может быть не только правильным, достоверным, но и ошибочным или ложным.

Доказательство называется прямым не потому, что оно обязательно влечет признание того или другого факта доказанным, а потому, что оно доказывает главный факт, прямо указывает на совершение преступления обвиняемым.

Косвенное доказательство устанавливает не главный факт, а доказательственный факт, который в свою очередь является доказательством главного факта. Например, по делу об убийстве свидетель показал, что незадолго до убийства обвиняемый грозил по-

терпевшему убить его. Это — косвенное доказательство. Свидетель не говорит о факте убийства. Он говорит о факте угрозы со стороны обвиняемого по адресу потерпевшего. Факт угрозы по делу об убийстве — не главный факт (таковой факт убийства), а доказательственный факт, который в совокупности с другими доказательствами может привести к выводу о главном факте, т. е. о совершении убийства обвиняемым.

Таким образом, прямое доказательство прямо связывает определенное лицо, обвиняемое в совершении преступления, с фактом этого преступления. Косвенное же доказательство связывает обвиняемого не с самим фактом преступления, а с каким-либо другим, побочным фактом, из которого можно сделать вывод о совершении обвиняемым преступления.

Деление доказательств на прямые и косвенные, как видно из изложенного, основывается на делении подлежащих установлению фактов на главный факт и доказательственные факты. Главный факт — это факт, образующий состав преступления; доказательственный — это факт, имеющий значение для дела в той мере, в какой из него вытекает вывод о существовании или не существовании главного факта. Те доказательства, при помощи которых устанавливаются доказательственные факты, являются косвенными; те же доказательства, при помощи которых устанавливается главный факт — прямыми.

Прямое доказательство доказывает главный факт без помощи доказательственного факта, т. е. прямо, а косвенное — опираясь на доказательственный факт, т. е. косвенно.

При этом необходимо различать известное нам двойное значение понятия доказательства: доказательство как источник сведений о факте и доказательство как самый факт, из которого можно сделать вывод о другом факте. Это двойное значение понятия доказательства относится к косвенным доказательствам. Косвенным доказательством называется как источник сведений о доказательственном факте (например, показание свидетеля об угрозе со стороны обвиняемого потерпевшему по делу об убийстве), так и сам доказательственный факт (т. е. сам факт угрозы по этому делу).

Прямое же доказательство означает только источник сведений о факте, именно главном факте; доказательственный факт в прямом доказательстве отсутствует.

Доказательство как источник сведений о факте может быть как прямым, так и косвенным, в зависимости от того, является ли устанавливаемый им факт главным или доказательственным. Значит, разница между прямым и косвенным доказательством состоит в том, что именно, какой факт устанавливается этим доказательством и как он относится к главному факту. Каждое косвенное доказатель-

ство является прямым по отношению к тому факту, который оно непосредственно устанавливает, и отличие его от прямого доказательства заключается именно в том, что этот факт устанавливаемый косвенным доказательством, не есть главный факт (т. е. совершение обвиняемым преступления), а есть факт доказательственный, побочный, через который устанавливается главный факт. Поэтому одинаковые доказательства в одном деле будут косвенными, а в другом — прямыми.

Например, по делу об убийстве свидетель показал, что он слышал, как обвиняемый грозил потерпевшему убить его; это — косвенное доказательство, так как устанавливает факт угрозы (побочный, доказательственный факт), из которого по совокупности с другими фактами можно сделать вывод о виновности обвиняемого в совершении убийства (главный факт). По делу об угрозе военнослужащего убийством начальнику в связи с исполнением последним обязанностей по военной службе (ст. 24 УК РСФСР), такое же показание свидетеля будет прямым доказательством, так как в данном случае факт угрозы будет главным фактом.

Согласно изложенной нами трактовке деления доказательств на прямые и косвенные доказательственный факт имеется лишь в косвенном доказательстве, в прямом же доказательстве доказательственного факта нет, так как в нем источниковедении о факте указывает прямо на главный факт.

Эта точка зрения иногда оспаривается, и утверждается, что доказательственный факт есть и в прямом доказательстве. Так, профессор М. М. Гродзинский утверждал, что такое прямое доказательство, как показание свидетеля — очевидца преступления, включает в себя доказательственный факт — наблюдение свидетелем того, как обвиняемый совершил преступление. Если согласиться с этим, то придется признать, что в косвенном доказательстве имеется не один, а два доказательственных факта. Действительно, показание свидетеля о том, что он видел, как обвиняемый удалялся с места, где было совершено преступление, есть косвенное доказательство. Значит, первым доказательственным фактом является наблюдение свидетелем того, как обвиняемый уходил с данного места, а вторым доказательственным фактом — сам факт ухода обвиняемого с этого места. Но это — искусственное построение. Здесь не два доказательственных факта, а только один, так как если бы было два доказательственных факта, то было бы не одно, а два доказательства.

Выше мы рассматривали различие между прямыми и косвенными доказательствами уличающего характера, т. е. речь шла о прямых и косвенных обвинительных доказательствах. Но прямые и кос-

венные доказательства могут быть не только уличающими, но и оправдывающими.

Доказательство, прямо указывающее на невиновность обвиняемого, на отсутствие в совершенных им действиях состава преступления или на несовершенство им инкриминируемых ему действий — это прямое оправдательное доказательство. По делу о злоупотреблении властью таким доказательством будет, например, показание свидетеля или письменный документ, удостоверяющий, что совершение обвиняемым действия вызывалось соображениями служебной необходимости.

Доказательство, которое прямо на невиновность обвиняемого не указывает, но устанавливает какой-либо доказательственный факт, опровергающий обвинение, говорящий в пользу обвиняемого, — это косвенное оправдательное доказательство. По делу об убийстве, например, это может быть показание свидетеля о том, что отношения между обвиняемым и потерпевшим были дружескими, что обвиняемый не имел причин мстить потерпевшему, и т. д. Оправдательные косвенные доказательства иногда называются «противоуликками».

Прямым оправдательным доказательством служит алиби в отношении лица, обвиняемого в непосредственном совершении преступления.

Алиби (*alibi* — лат.) — значит «в другом месте», т. е. факт нахождения обвиняемого в то время, когда совершалось преступление, в другом месте, не там, где совершалось преступление, вследствие чего обвиняемый физически не мог это преступление совершить. Если обвиняемому инкриминируется то, что он в определенное время и в определенном месте совершил такие-то действия, алиби будет прямым оправдательным доказательством.

Например, если обвиняемому инкриминируется, что такого-то числа в таком-то месте он нанес потерпевшему ранение ножом, отчего потерпевший умер, алиби обвиняемого является прямым оправдательным доказательством.

В судебной практике установлению алиби придается очень большое значение. Если в обстоятельствах дела есть указание на то, что в то время, когда совершалось преступление, обвиняемый находился в другом месте — это указание должно быть исчерпывающим образом проверено, уточнено. От выяснения его зависит правильность разрешения дела, установление виновности или невиновности обвиняемого.

В любом случае, когда в деле имеется указание на алиби, оно подлежит самой тщательной, всесторонней проверке, и пока алиби полностью не опровергнуто, обвинение не может считаться дока-

занным, как бы тяжелы и убедительны ни были улики против обвиняемого.

В судебной практике случаи недостаточного внимания к проверке алиби всегда приводили к серьезным судебным ошибкам. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 1 июня 1963 г. по делу Мирзояна в качестве существенного нарушения по делу, исключающего возможность оставления в силе обвинительного приговора, указано, что «в судебном заседании не было опровергнуто алиби, выдвинутое обвиняемым в свою защиту». В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 21 октября 1963 г. по делу Б. И. Ломакина и других сказано: «Следует признать, что обвинение Ломакина в убийстве Шевченко является неправильным, поскольку оно основано на явно недостаточных и не убеждающих в его виновности данных при наличии доказанности алиби». Дело в отношении Ломакина Пленумом было прекращено за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

Какое значение имеет деление доказательств на прямые и косвенные?

Ни в коем случае нельзя утверждать, будто прямые доказательства лучше косвенных. Косвенные доказательства вовсе не хуже прямых, и советское доказательственное право вообще не признает разделения доказательств на лучшие и худшие. Ценность, доказательственная сила каждого доказательства — как прямого, так и косвенного — зависит от обстоятельств дела, от характера каждого отдельного доказательства, от его соотношения с другими доказательствами по этому делу и т. д. Поэтому в ряде случаев косвенные доказательства могут привести следствие и суд к вполне достоверным выводам, а прямые доказательства, оказавшиеся сомнительными и недоброкачественными, при не критическом к ним отношении вызвать ошибочное решение по делу.

Разделение доказательств на прямые и косвенные имеет весьма важное значение в том отношении, что методы пользования ими, приемы доказывания прямыми и косвенными доказательствами различны.

При пользовании прямым доказательством основной вопрос заключается в оценке этого доказательства по источнику: например, правильно ли показал свидетель, нет ли в его показаниях ошибки или лжи, верно ли он сообщил наблюдавшийся им факт. Если доказательство оценено правильно, главный факт установлен также правильно, так как вывод вытекает сам собой; если же доказательство оценено неправильно, неизбежна ошибка в разрешении дела, так как в этом случае будет сделан неверный вывод.

При пользовании косвенными доказательствами процесс оценки доказательства протекает иначе. В этих случаях необходимо оценить само доказательство по его источнику так же, как и прямое доказательство; но когда оценка сделана и доказательство признано достоверным, следует еще подвергнуть оценке тот факт (доказательственный, побочный), который установлен этим доказательством (например, показанием свидетеля), проверить, вытекает ли из него в совокупности с другими фактами, установленными по делу, главный факт (совершение обвиняемым инкриминируемого ему преступления).

Таким образом, оценка косвенного доказательства проходит два этапа, и, следовательно, более сложна.

Вместе с тем следует твердо помнить, что обвинение всегда должно быть основано лишь на совокупности доказательств прямых, косвенных или тех и других вместе. Одно изолированное доказательство — прямое или косвенное — не может быть положено в основу обвинения, так как правильная оценка любого доказательства требует сопоставления одних доказательств с другими, подтверждения одного доказательства другими и т. д. Как бы ни было прямое доказательство убедительно, ясно, отчетливо (например, опознание данного лица потерпевшим, признание своей вины задержанным лицом), правильность этого доказательства может быть только предположительной. Достоверно же оно лишь тогда, когда есть возможность сопоставить это доказательство с другими доказательствами, подтвердить его другими доказательствами.

Это — твердое правило доказательственного права, не знающее и не допускающее исключений. В отношении косвенных доказательств оно совершенно очевидно и не вызывает сомнений: на одном косвенном доказательстве основывать обвинение нельзя. Но следует совершенно категорически установить, что и одного прямого доказательства недостаточно для того, чтобы признать человека виновным в совершении преступления. Действительно, согласно ст. 17 Основ уголовного судопроизводства доказательства оцениваются по внутреннему убеждению судей, прокурора, следователя, «основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности». Если же в деле есть только одно-единственное доказательство, хотя бы прямое, — нет никакой совокупности обстоятельств дела, на которую могло бы опереться внутреннее убеждение. Конечно, если обвинение основано на показаниях только одного свидетеля, этот свидетель в своих показаниях мог изложить не один, а много фактов. Но эти факты необходимо проверить всесторонне, объективно, полно, и этого никак нельзя

сделать, если в деле кроме показаний этого одного свидетеля нет других доказательств.

Далее, согласно ст. 77 УПК РСФСР обвинение не может быть основано на одном признании обвиняемым своей вины, если это признание не подтверждено другими доказательствами (об этом мы дальше скажем подробно).

Из этого никак нельзя сделать вывод, что *только* на одном признании обвиняемым своей вины нельзя основывать обвинение, а на любом другом одном доказательстве — можно. Смысл ст. 77 заключается в том, что *даже* на признании обвиняемым своей вины, если это единственное доказательство в деле, обвинение основывать нельзя, требуется совокупность доказательств. Признание обвиняемым своей вины выделено именно потому, что в практике иногда наблюдается переоценка этого признания, приписывание ему преимущественного значения, оно подчас представляется особо впечатляющим и т. д.

Таким образом, одного доказательства, прямого или косвенного, для вывода о виновности недостаточно, нужна сумма, совокупность доказательств.

При пользовании прямыми и косвенными доказательствами особо возникает вопрос о доказывании обстоятельств, относящихся к субъективной стороне состава преступления — умысла, намерения, мотива действий обвиняемого. Доказывание этих обстоятельств часто связано со значительными трудностями.

В некоторых случаях намерение, мотив действий доказывается прямыми доказательствами, например, тогда, когда обвиняемый, признав себя виновным, сам излагает и объясняет мотивы своих действий, или когда свидетели в своих показаниях сообщают то, что обвиняемый им говорил о своих намерениях совершить преступление.

Но во многих случаях отсутствуют прямые доказательства, которыми бы устанавливались мотивы действий обвиняемого, и их приходится выводить из ряда побочных, доказательственных фактов, т. е. доказывать при помощи косвенных улик. Умышленный характер действий обвиняемого иногда может вытекать из того, как совершались сами эти действия (например, при убийстве, нанесении телесных повреждений), а в ряде случаев его приходится устанавливать при помощи таких косвенных доказательств, как взаимоотношения обвиняемого и потерпевшего, поведение обвиняемого после совершения преступления и т. п.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 9 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» содержится такое положение:

«Разрешая вопрос о том, с прямым или косвенным умыслом действовал виновный, суды должны исходить из совокупности всех обстоятельств дела и учитывать не только предшествующее поведение виновного и потерпевшего и их взаимоотношения, но и способ совершения преступления, применявшиеся орудия, а также самый характер ранения или иных повреждений, причиненных потерпевшему. О наличии прямого умысла могут свидетельствовать, в частности, действия виновного, которые заведомо для него должны были повлечь смерть потерпевшего и не привели к смертельному исходу лишь в силу обстоятельств, не зависящих от воли виновного».

В отношении деления доказательств на прямые и косвенные возникает такой же вопрос, как при делении доказательств на обвинительные и оправдательные; все ли без исключения доказательства разделяются на эти две группы, или деление относится лишь к тем доказательствам, которые указывают — прямо или косвенно — на виновность или невиновность определенного лица.

Мы полагаем, что прямыми и косвенными доказательствами являются именно те, которые относятся к установлению виновности или невиновности. Те же доказательства, которые устанавливают различные обстоятельства совершенного преступления безотносительно к виновности или невиновности обвиняемого, лежат за пределами деления доказательств на прямые и косвенные. Таковы, например, доказательства, устанавливающие место и время убийства, размер образовавшейся недостачи материальных ценностей, любые черты, признаки, обстоятельства исследуемого деяния, не содержащие ни прямо, ни косвенно указания на совершение этого деяния каким-либо лицом. Разумеется, в определенных условиях любое такое доказательство может стать прямым или косвенным, если в ходе исследования дела оно сможет послужить к изобличению или оправданию обвиняемого. Но если этого нет, если доказательство просто устанавливает какую-то черту самого факта преступления безотносительно к совершившему его — это доказательство будет находиться вне классификации доказательств на прямые или косвенные, т. е. не будет ни прямым, ни косвенным.

Исследование косвенных доказательств, их проверка и оценка характеризуются следующими положениями.

Каждый доказательственный факт сам должен быть доказан с полной несомненностью. Если факт, через посредство которого доказывается главный факт (совершение обвиняемым преступления), сам не доказан, сомнителен, он не может служить доказательством главного факта.

Например, если по делу о поджоге косвенным доказательством является угроза обвиняемого по адресу потерпевшего поджечь его имущество, этот факт угрозы нужно доказать, т. е. доказать с полной достоверностью (например, свидетельствами, показаниями), что обвиняемый действительно незадолго до пожара грозил потерпевшему поджогом. И только после этого такой факт станет доказательством виновности обвиняемого.

Косвенных доказательств должно быть несколько, должна быть их совокупность, одно косвенное доказательство еще не служит основанием, для вывода по делу. Каждое косвенное доказательство получает силу только в связи с другими косвенными доказательствами. Действительно, одно изолированное косвенное доказательство может быть основанием только для предположения о виновности обвиняемого. Например, по делу об убийстве такие факты, как угроза обвиняемого потерпевшему или нахождение обвиняемого в месте убийства в то время, когда произошло убийство, или обнаружение на одежде обвиняемого пятен крови той же группы, к какой принадлежит кровь потерпевшего, или обнаружение у обвиняемого принадлежавших потерпевшему вещей, — взятые в отдельности, не служат основанием для вывода о виновности обвиняемого. Но совокупность ряда подобных фактов может быть таким основанием.

Известно, что одно изолированное доказательство основанием обвинения вообще не является, для этого требуется совокупность доказательств. Это положение относится и к прямым доказательствам; одно-единственное прямое доказательство, которое не находится в связи с другими доказательствами — прямыми или косвенными, не обосновывает обвинение, не позволяет сделать вполне достоверный вывод о виновности обвиняемого. Но при использовании косвенными доказательствами это положение получает еще более определенное и категорическое выражение: одна косвенная улика — вообще не улика, вне связи с другими косвенными уликами она вообще не имеет доказательственной силы.

Все косвенные доказательства должны быть согласованы одно с другим, подтверждать одно другое, должны составлять гармоническое целое, цепь улик, все звенья которой неразрывно связаны между собой.

Косвенные доказательства образуют цепь улик тогда, когда они связаны между собой, взаимно подкрепляют одно другое, ни одно звено цепи улик не может быть выбито без того, чтобы не распалась вся цепь. Если же такой связи косвенных улик нет, это означает, что налицо лишь механический набор, нагромождение отдельных, разрозненных фактов, которые, как бы велико ни было их ко-

личество, не могут служить прочным основанием для вывода о виновности обвиняемого.

Все косвенные доказательства (доказательственные факты) должны находиться в причинной связи с главным фактом. Из косвенных доказательств вытекает достоверный вывод о виновности обвиняемого только в том случае, если установлена причинная связь между доказательственными фактами и главным фактом, подлежащим разрешению по делу. Причинная связь фактов — это такая связь между ними, при которой либо один факт является причиной другого факта, а этот последний — следствием первого, либо оба факта имеют общую причину, т. е. оба выступают как следствия третьего факта.

Приведем примеры. По делу об убийстве установлено, что на одежде обвиняемого имеются следы крови человека, по группе крови совпадающие с кровью потерпевшего. Этот факт, т. е. следы крови на одежде обвиняемого, — косвенное доказательство (доказательственный факт) его виновности в убийстве. Но сделать вывод о виновности обвиняемого возможно будет лишь тогда, когда всей совокупностью обстоятельств дела будет установлено, что пятна крови на одежде обвиняемого получились именно вследствие того, что при нанесении обвиняемым смертельного ранения потерпевшему кровь последнего брызнула и запятнала одежду убийцы, и исключается всякое иное объяснение происхождения этих пятен.

В этом случае факт убийства (главный факт) будет причиной появления пятен крови на одежде потерпевшего (косвенное доказательство, доказательственный факт), а этот последний факт (наличие пятен крови) будет следствием совершения убийства (главного факта).

Другой пример. По делу об убийстве установлено, что незадолго до убийства обвиняемый грозил потерпевшему расправиться с ним. Это — косвенное доказательство. Но из него можно сделать вывод о виновности обвиняемого только тогда, когда между фактом угрозы и фактом убийства будет установлена причинная связь. Какова же причинная связь между этими фактами? Убийство не может быть причиной угрозы, а угроза — причиной убийства. Очевидно, здесь — иная форма причинной связи, чем в первом примере. Факт угрозы убийством потому является косвенным доказательством, что он устанавливает наличие вражды между обвиняемым и потерпевшим и намерение обвиняемого убить потерпевшего. Этот факт вражды и намерения убить мог быть причиной одновременно двух фактов — угрозы убить, во-первых, самого совершения убийства, во-вторых. Следовательно, из данного косвенного доказательства — угрозы убийством — вывод о виновности обвиняемого будет вер-

ным только тогда, когда всей совокупностью обстоятельств дела установлено, что именно наличие у обвиняемого вражды и намерения убить потерпевшего, обнаруженное через факт угрозы, послужило причиной убийства.

Все косвенные доказательства по делу должны в своей совокупности приводить к одному-единственному выводу — о виновности обвиняемого — и должны исключать возможность всякого иного вывода.

Если собранные по делу косвенные доказательства допускают какое-то иное объяснение, чем их связь с фактом совершения преступления обвиняемым, если они оставляют какую-то возможность иного вывода, кроме вывода о виновности обвиняемого, значит, они недостаточны для того, чтобы служить основанием для обвинения. Поэтому при пользовании косвенными доказательствами необходимо проверить все возможные версии с тем, чтобы все версии, кроме одной, были исключены, опровергнуты и подтвержденной осталась только эта единственная версия.

Приведем пример из судебной практики. По делу о разбойном нападении с убийством в отношении двух обвиняемых имелись такие косвенные доказательства: 1) обоих обвиняемых свидетели видели вместе на дороге, по которой ранее проходил, а потом был обнаружен убитым потерпевший; 2) у одного обвиняемого при обыске были найдены брюки, принадлежавшие потерпевшему, со следами крови, и его объяснения о покупке этих брюк на рынке при проверке оказались ложными; 3) на этих брюках и на одежде другого обнаружены следы крови, сходные по группе с кровью потерпевшего; 4) в руке убитого был зажат вырванный карман пиджака, а у одного обвиняемого карман в пиджаке оказался вырванным, причем карман, зажатый в руке потерпевшего, в точности пришелся к пиджаку обвиняемого — по разрывам и по ткани; 5) другой обвиняемый еще до того, как был обнаружен и опознан труп потерпевшего, и никто еще не мог знать, что потерпевший убит, говорил своим знакомым, что исчезнувший потерпевший убит.

Все эти косвенные улики с несомненностью подтверждают только версию о виновности обвиняемых и исключают всякую иную версию.

А вот пример неправильного решения дела на основании косвенных улик. Заведующий магазином Мартазанов был осужден за хищения вверенных ему ценностей на основе таких доказательств: у него была обнаружена недостача товаров на сумму 3600 руб., после чего он эту недостачу погасил. Здесь действительно имелись две косвенные улики — факт недостачи и факт покрытия ее. Но эти улики таковы, что они могут служить основанием для предположения,

для версии, подлежащей проверке, но никак не для категорического достоверного вывода о виновности обвиняемого в хищении. Недостача могла образоваться по разным причинам, например, вследствие халатности заведующего магазином, в результате того, что он раздавал в долг продукты питания, промтовары и деньги разным организациям и лицам. Именно последнее обстоятельство было установлено по делу бесспорно. Что касается покрытия обвиняемым обнаруженной у него недостачи, то это могло быть объяснено желанием данного лица избежать ответственности по суду, опасением подвергнуться уголовному преследованию, и такое объяснение действий обвиняемого не было опровергнуто.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР своим определением от 3 июля 1963 г. изменила приговор, признав, что в данном случае имело место не хищение, а злоупотребление служебным положением со стороны должностного лица.

Таким образом, косвенные доказательства должны быть подвергнуты самому тщательному и всестороннему исследованию для того, чтобы они могли служить твердой и надежной базой обвинения.

*

Косвенным доказательством является как источник, которым устанавливается доказательственный факт (например, показания свидетеля о враждебных отношениях обвиняемого с потерпевшим), так и сам доказательственный факт, в совокупности с другими фактами устанавливающий главный факт, т. е. виновность обвиняемого (например, самый факт наличия враждебных отношений между обвиняемым и потерпевшим).

Из этого следует, что, если один доказательственный факт доказывается несколькими источниками сведений о нем, имеется только одно доказательство, а не несколько. Например, показания пяти свидетелей, что они видели, как обвиняемый бежал с того места, где был обнаружен труп потерпевшего, — это не пять доказательств виновности обвиняемого, не пять улик, а одно доказательство, одна улика: факт, что обвиняемый находился в месте, где было совершено преступление, и бежал с этого места. Если по делу об убийстве несколько свидетелей показывают об угрозе, произнесенной обвиняемым по адресу потерпевшего, — это одно косвенное доказательство: факт угрозы.

Если по делу устанавливаются несколько доказательственных фактов, это значит, что имеется несколько доказательств, несколько улик. При этом все доказательственные факты должны быть доказа-

ны самостоятельно, должны подтвердиться различными доказательствами и не исходить только из одного источника.

Например, один свидетель удостоверил в своем показании несколько обстоятельств, уличающих обвиняемого: враждебные отношения между обвиняемым и потерпевшим, угрозы обвиняемого по адресу потерпевшего, нахождение обвиняемого на месте преступления в момент его совершения, попытки обвиняемого склонить свидетелей к даче ложных показаний и некоторые другие факты; все эти обстоятельства вытекают из одного общего источника — из показаний одного свидетеля, поэтому такое доказательство является недостаточным для установления виновности обвиняемого.

Иное дело, если эти обстоятельства устанавливаются из разных источников, например, удостоверяются разными свидетелями. В этом случае налицо будет несколько косвенных улик, подтверждающих одна другую. Это не значит, разумеется, что один источник может содержать только один доказательственный факт. Вполне возможно, что один свидетель покажет не об одном, а о двух-трех фактах, уличающих обвиняемого; но в таких случаях необходимо, чтобы эти факты подтвердились и иными доказательствами.

Главная трудность в оперировании косвенными доказательствами заключается в том, чтобы связать в одно целое ряд разрозненных, часто на первый взгляд мелких, но в действительности очень существенных фактов. Здесь есть опасность заменить факты догадками и предположениями, связать между собой то, что в действительности связи не имеет.

При пользовании косвенными доказательствами перед следствием и судом стоит очень сложная задача — исследовать каждое такое доказательство отдельно, сопоставить его с другими, проверить связь между ними — согласуются ли они или противоречат одно другому, установить, есть ли между отдельными фактами объективная причинная связь или лишь случайное совпадение и т. п. Но если эта работа проделана, связь отдельных фактов устанавливается достаточно четко и в результате получается ясная картина преступления — косвенные доказательства представляют собой серьезный материал в руках следствия и суда. Надо иметь в виду, что как раз дела о наиболее опасных преступлениях не всегда содержат в себе прямые доказательства, а часто — именно косвенные (например, дела об убийствах, поджогах и т. п.).

*

Косвенными доказательствами (доказательственными фактами) являются самые различные факты, которые по обстоятельствам данного конкретного дела ввиду их причинной связи с глав-

ным фактом могут служить для его установления. Поэтому нельзя дать исчерпывающей классификации косвенных доказательств.

Однако можно привести ориентировочный перечень тех фактов, которые в судебной практике обычно служат косвенными доказательствами:

1) вещественные следы преступления, т. е. следы, оставленные преступлением на различных предметах (например, пятна крови на одежде обвиняемого по делу об убийстве);

2) следы, оставленные преступником (например, след ноги, обнаруженный на месте совершения преступления и идентифицированный со следом ноги обвиняемого);

3) обладание орудием, необходимым для совершения преступления (например, обнаружение у обвиняемого ключа, открывающего замок, которым было заперто помещение, куда проникли воры);

4) обладание предметом, явившимся объектом преступного посяательства (например, обнаружение у обвиняемого при обыске похищенных вещей);

5) нахождение обвиняемого на месте совершения преступления в то время, когда преступление было совершено (например, удостоверяемый свидетелями факт, что обвиняемого они видели около того места, где было совершено убийство, непосредственно за тем, как это убийство произошло);

6) наличие мотива к совершению преступления (например, враждебные отношения между обвиняемым и потерпевшим, ссора между ними);

7) действия обвиняемого до совершения преступления, представляющие собой подготовку к совершению преступления (например, приобретение орудия, необходимого для совершения преступления);

8) действия обвиняемого после совершения преступления, направленные на сокрытие следов преступления и воспрепятствование возбуждению и ведению уголовного преследования (например, угловаривание свидетелей показывать неправду в пользу обвиняемого);

9) изменение образа жизни обвиняемого, вызванное совершением преступления (например, трата больших средств обвиняемым после того, как образовалась недостача вверенных ему ценностей).

Из рассмотрения основных видов косвенных доказательств (доказательственных фактов) уличающего характера ясно видно, что любое доказательство, взятое отдельно, не может служить достаточным доказательством: таковым оно может стать лишь в совокупности с другими доказательствами. Например, один факт наличия мотива к совершению преступления сам по себе еще не уличает обви-

няемого: мотив к совершению преступления у обвиняемого мог быть, а преступление все же совершил не он, а другой. Равно один факт попытки обвиняемого воспрепятствовать возбуждению уголовного преследования сам по себе не уличает обвиняемого - это могло быть вызвано боязнью подвергнуться незаслуженному обвинению.

Любой факт, опровергающий какой-либо из фактов уличающего характера, противоречащий этим фактам, является косвенным доказательством оправдывающего характера (например, отсутствие мотивов к совершению преступления, дружеские отношения обвиняемого и дотерпевшего и т. п.).

Вместе с тем следует указать на ряд фактов, которые не могут служить косвенным доказательством виновности обвиняемого, но иногда ошибочно принимаются за такое доказательство. Эти факты следующие:

1) *факты, аналогичные фактам данного дела, но не находящиеся с ними в причинной связи* (например, сходство способа совершения преступления по данному делу со способом совершения преступления по другим аналогичным делам нельзя считать косвенным доказательством);

2) *факты, характеризующие обвиняемого с отрицательной стороны*. Такие факты (например, прежняя судимость обвиняемого, его аморальные поступки и т. д.) могут служить отягчающим обстоятельством для назначения меры наказания при уже доказанной виновности, но не могут служить доказательством виновности;

3) *поведение обвиняемого на следствии и в суде по его делу*. Отказ обвиняемого давать показания, противоречия в его показаниях, ссылка на не подтвердившиеся факты — все это может означать, что обвиняемый избрал неправильные методы своей защиты, но не доказывает виновности обвиняемого.

С. В. КУРЫЛЕВ

Основы теории доказывания в советском правосудии.
Минск, Издательство БГУ, 1969, с. 173-200

Классификация доказательств по источнику

1. Личные и вещественные доказательства. Высказывания о делении доказательств на личные и вещественные содержатся в работах многих процессуалистов. Однако вопрос о том, какое теоретическое и практическое значение имеет это деление, имеет ли оно таковое вообще, обычно оставляется без рассмотрения. Между тем это деление имеет существенное значение.

Процессуальный закон содержит различные правила, относящиеся к источнику доказательств и его процессуальной форме. Эти правила могут быть сгруппированы в зависимости от того, к какого рода источнику они относятся. Понятие процессуального положения эксперта или заинтересованности свидетеля, способ исследования данных доказательств (допрос), естественно, не могут быть отнесены к вещественным доказательствам. В судебной практике нередко различают доказательства субъективные и объективные, по разному подходят к их исследованию и оценке; это есть не что иное, как различие личных и вещественных доказательств.

Личное доказательство характеризуется следующим особенностями.

1. Источником личного доказательства является человек, его психика. Следовательно, источником данного доказательства, во-первых, не может быть учреждение или организация, во-вторых, человек как источник доказательства должен обладать способностью свидетельствовать, т. е. правильно воспринимать, сохранять в памяти и воспроизводить воспринятое.

2. Процесс формирования личного доказательства складывается из трех звеньев: восприятия, сохранения и воспроизведения.

3. Указанные звенья процесса формирования носят субъективный характер, присущий лишь мыслящей материи и накладывающий определенный отпечаток на содержание доказательства.

«Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (понятия) с нее не *есть* простой, непосредственный, зеркально мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни».

След-образ воспринятого явления в психике субъекта недоступен пока непосредственному познанию, как, например, изображе-

ние на фотоснимке; однако это не означает, что такой след не доступен для познания вообще.

Явления сознания — учит советская материалистическая психология — доступны для познания сторонним наблюдателем, доступны потому, что «психическое имеет двоякую форму существования», в том числе объективную форму, выражающуюся в жизни и деятельности человека. Психические факты — это прежде всего реальные свойства индивида и реальные процессы, выражающиеся в его деятельности.

Таким образом, советская психологическая наука, основывающаяся на закономерностях материалистической диалектики, указывает теоретическую основу познания психических явлений. Следовательно, доступны нашему познанию и те психические явления, с которыми закон связывает юридические последствия, например, психическое отношение ответчика (обвиняемого) к совершенному им действию. Доступны нашему познанию и те психические явления, которые могут служить средствами познания искомых фактов. Такими явлениями служат «следы-образы» фактов действительности в психике воспринявшего эти факты субъекта. Познание этих явлений Осуществимо при помощи их объективной формы, т. е. других внешне объективированных явлений, доступных для непосредственного восприятия — действий, поступков, сообщений лиц. Каждое из этих явлений и может служить судебным доказательством, замыкающим цепь процесса его формирования.

Необходимым условием использования одного из этих явлений в качестве доказательства является знание влияния субъективного момента в процессе формирования такого доказательства (знание психических закономерностей) и его учет судом. Это знание, конечно, достигается не только академическим изучением науки психологии, но, не в меньшей степени, — практической деятельностью человека, опытом общения его с другими людьми, взаимоотношений с ними в процессе деятельности, в том числе и профессиональным опытом судей.

Самыми распространенными личными доказательствами в судебном процессе являются сообщения лиц: показания свидетелей, объяснения подсудимого (сторон и третьих лиц в гражданском процессе). Общим для этих доказательств является источник, а, следовательно, и требования, к нему предъявляемые (способность лица правильно воспринимать явления действительности и воспроизводить воспринятое — ч. 2 ст. 72 УПК, 66 УПК БССР; ч. 2 ст. 61 ГПК, 41 ГПК БССР).

Различие проводится по признаку процессуального положения источника — сторона в гражданском процессе, подсудимый, потерпевший в уголовном процессе, свидетель и др.

Но различие в процессуальном положении источника не является просто формальным моментом, имеющим якобы значение только с точки зрения объема и содержания процессуальных прав и обязанностей, с точки зрения процессуальной роли этих лиц, но не имеющим значения со стороны сущности сообщений данных лиц как доказательства. Процессуальное положение источник доказательства (лица) может служить основанием деления доказательств на подвиды в силу того, что оно определенным образом отражает различия в самих доказательствах, извлекаемых из этих источников, в частности, различия в процессе их формирования, которые и должны учитываться при исследовании и оценке разных личных доказательств. Разграничение личных и вещественных доказательств, выяснение их особенностей вовсе не означает противопоставления данных видов доказательств, как этого опасается М. С. Строгович, отрицающий правомерность данной классификации.

* *
*

Далеко не одинаково в литературе решается вопрос о природе письменных доказательств. Одни процессуалисты, основываясь на том, что документы являются письменными сообщениями лиц, которые могли бы в ряде случаев сделать их в виде свидетельских показаний, относят письменные материалы к личным доказательствам; другие, отталкиваясь от того, что источником письменных доказательств являются предметы, причисляют их к вещественным доказательствам. Нам представляется правильным взгляд на письменные доказательства, как на разновидность вещественных.

Деление доказательств на личные и вещественные проводится по источнику. Источником же письменных доказательств служит предмет, вещь, а не человек. Автора документа нельзя считать процессуальным источником доказательства, так как в сфере процессуальной деятельности автор документа не выступает, предметом исследования не является. Вследствие этого и процессуальная форма письменных доказательств в основных чертах совпадает с процессуальной формой вещественных доказательств в собственном смысле слова и, наоборот, существенным образом отличается от процессуальной формы личных доказательств. Например, к письменным доказательствам не применима основная форма исследования личных доказательств — допрос и его правила.

Аналогичным образом обстоит дело и с процессом формирования письменных доказательств, в котором отсутствует спе-

цифическое для личных доказательств звено воспроизведения. «След-образ» факта, запечатленный на документе, в отличие от «следа-образа» факта в сознании человека, суд воспринимает непосредственно.

Особенность письменных доказательств состоит в их производном, как правило, характере. Однако это обстоятельство, а также и тот факт, что первоначальными по отношению к письменным доказательствам нередко служат личные доказательства, естественно, нельзя рассматривать как основание для отнесения письменных материалов к личным доказательствам. Характер первоначального доказательства не может менять природу производного. Свидетельское показание остается личным доказательством даже в том случае, если оно было производным от вещественного (свидетель описывает признаки вещи, которая может служить доказательством).

2. Смешанные доказательства. При классификации доказательств по их источнику, нам кажется, кроме личных и вещественных доказательств, необходимо различать третий подвид, если можно так сказать — смешанных доказательств.

Смешанные доказательства существенно отличаются от личных и вещественных как по источнику, так и по процессу формирования. Главными из них являются заключения экспертов. В. Я. Колдин, критикуя высказанное в литературе мнение, что заключение эксперта может являться производным доказательством, справедливо отмечает: «Заключение экспертизы всегда устанавливает по существу новые факты по отношению к фактам, подвергнутым исследованию». Следует к этому добавить, что в заключении эксперта устанавливаются такие факты-доказательства, источником которых для суда не может быть ни эксперт, ни материалы, которыми он пользовался, если брать их в отдельности. Суд потому-то и прибегает к помощи эксперта, что он сам из-за отсутствия необходимых специальных знаний не может на основании имеющихся у него источников доказательств установить определенный факт, способный служить доказательством по делу. Источникам фактов, устанавливаемых экспертом, являются, с одной стороны, сведущее, лицо, с другой — в большинстве случаев, вещи.

Недоброкачественность заключения эксперта как доказательства может явиться результатом недоброкачественности как одного источника (например, некомпетентности эксперта), так и другого (недоброкачественности материалов, на которых основано это заключение). Следовательно, при оценке заключения эксперта должна быть определена доброкачественность обоих источников данного доказательства.

Заключение эксперта отличается от других личных доказательств, в частности показаний свидетелей, и по процессу формирования. Эксперт отличается от свидетеля, во-первых, тем, что он, как правило, воспринимает не факты, имеющие юридическое значение для дела, а факты-доказательства. Следовательно, процессу формирования заключения эксперта предшествует процесс формирования этих воспринимаемых и исследуемых экспертом доказательств (дефектность этого процесса формирования ведет и к дефектности заключения эксперта). Во-вторых, и это — главное, отличие состоит в том, что эксперт не только воспринимает определенные явления, но и оценивает их с точки зрения своих научных знаний о связях явлений, познавая в результате такой сценки «новые» факты, не данные непосредственно в исследуемых и оцениваемых им явлениях. Заключение эксперта отличается от показания свидетеля по процессу формирования тем, что процесс сохранения воспринятого в сознании эксперта является одновременно и процессом качественного преобразования воспринятого, а в связи с чем и явление воспроизведения будет служить не только воспроизведением «образа» воспринятого факта, но и воспроизведением «нового» установленного экспертом факта. Употребляемая в литературе характеристика отличия свидетеля от эксперта — свидетель сообщает суду факты, эксперт — мнения, и выражает именно это отличие в процессе формирования заключения эксперта.

К смешанным доказательствам относятся также и некоторые другие факты. В частности, ими всегда являются так называемые факты опознания, имеющие два источника: личный — опознающий субъект, и вещественный — опознаваемый объект. Смешанными доказательствами зачастую являются факты, служащие результатом судебного (следственного) эксперимента. Отсутствие в прежнем процессуальном законодательстве прямого указания о смешанных доказательствах и являлось той причиной, которая вынуждала процессуалистов отрицать самостоятельный характер указанных доказательств (опознания и результатов эксперимента) или вела к попыткам сведения их к одному из указанных в законе видов доказательств.

Смешанные доказательства имеют самостоятельную природу, они извлекаются судом из двух источников — личного и вещественного. Процесс их формирования состоит из двух качественно различных частей, которые должны исследоваться и оцениваться судом с учетом их специфики: объективно происходящего процесса формирования вещественных доказательств и происходящего в субъективной форме процесса формирования доказательств, носителями которых являются люди.

Если процесс формирования личных и вещественных доказательств целиком или в основной своей части происходит до суда и *вне* суда, вне процессуальной формы (исключение составляют производные доказательства, создаваемые судом — протоколы, планы, фотографии и др.), то процесс формирования смешанных доказательств целиком происходит в суде, в процессуальных формах. Правда, экспертные исследования, опознание и следственный эксперимент по уголовным делам нередко производятся в стадии предварительного следствия, т. е. вне суда, но и в этом случае они также облекаются в процессуальную форму.

Самостоятельная природа смешанных доказательств привела к тому, что практика в отношении этих доказательств выработала специальные правила, несоблюдение которых делает указанные доказательства порочными.

Основные правила формирования данных доказательств сейчас закреплены в УПК союзных республик и в ГПК БССР (ст. 173—174). К сожалению, в ГПК Других союзных республик такие правила отсутствуют, чем, видимо, и объясняется ошибочное и противоречащее практике мнение некоторых юристов, будто эксперимент и опознание не известны гражданскому судопроизводству.

3. Первоначальные и производные доказательства. Понятие процесса формирования доказательства дает возможность выявить различие между первоначальными и производными доказательствами, определить значение производных доказательств.

Производяое доказательство — это факт, заключающийся в воспроизведении содержания первоначального доказательства.

При образовании производного доказательства происходит соответствующее увеличение звеньев процесса формирования без качественного изменения самого содержания доказательства (например, в личных доказательствах — удвоение, утроение и т. д. явлений восприятия, сохранения и воспроизведения). В соответствии с этим в процессуальной литературе иногда употребляют понятие «степени производного доказательства».

Производное доказательство характеризуется двумя моментами: 1) оно может появиться при существовании первоначального доказательства; 2) производное доказательство воспроизводит содержание первоначального. В связи с этим оно обладает свойством заменимости, которое имеет важное практическое значение. Производное доказательство может быть заменено другим производным доказательством или первоначальным, если таковые не исчезли или не стали недоступными для исследования по каким-либо причинам.

Указанное понимание сущности производного доказательства дает возможность сделать ряд выводов.

Нельзя признать правильным распространенный в литературе взгляд, что заменимость — это якобы свойство письменных доказательств, отличающее их от вещественных. Письменное доказательство заменимо не потому, что оно письменное, а потому, что оно, как правило, является производным доказательством. В тех же случаях, когда письменное доказательство служит первоначальным доказательством (например, завещание), оно незаменимо. Наоборот, вещественное доказательство незаменимо лишь потому, что оно в большинстве случаев используется как первоначальное доказательство. В тех же случаях, когда вещественное доказательство является производным, например, гипсовый слепок следа, оно заменимо. Поэтому правильно поступают те процессуалисты, которые начинают отказываться от традиционного взгляда о незаменимости вещественных доказательств.

Далее. Проводимое обычно в советской процессуальной литературе разграничение первоначальных и производных доказательств по признаку источника доказательства способно привести к ошибочному отнесению заключений экспертов к производным доказательствам. Необходимо согласиться с В. Я. Колдиным, обосновывающим взгляд, что заключение эксперта всегда является первоначальным доказательством. В самом деле, если производное доказательство всегда можно заменить первоначальным при наличии первоначального источника, то по отношению к заключению эксперта никогда нельзя осуществить такую замену.

В процессуальной литературе иногда утверждают, что во всех случаях «первоначальное доказательство лучше производного», что, исходя из принципа непосредственности, суд обязан «пользоваться непосредственными доказательствами и только в случае невозможности получить непосредственные доказательства допустить посредственные доказательства». Знание специфических особенностей процесса формирования личных и вещественных доказательств позволяет сделать вывод, что первоначальное доказательство вовсе не обязательно имеет большую достоверность, чем производное.

В частности, достоверность доказательства, полученного из первоначального источника, например, от свидетеля, может быть ниже достоверности доказательства, полученного из производного источника — звукозаписи показания такого свидетеля, которая наряду с другими современными способами создания производных доказательств (киносъёмка, стенографирование) ныне предусмотрена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. Эта достоверность может оказаться ниже в результате того, что с течением времени утрачивается сохранение в памяти воспринятых свидетелем фактов. Недостоверность первоначального и достовер-

ность производного доказательства возможны и по другим причинам, например, в силу появившейся у лица, дающего показания, заинтересованности в сокрытии истины.

И, наконец, отметим, что ввиду особых свойств некоторых доказательств суд не в состоянии пользоваться ими как первоначальными. Например, факт обнаружения вещи у обвиняемого при обыске или у ответчика при производстве действий по обеспечению доказательств суд может установить только из производного доказательства — протокола осмотра. В подобных случаях происходит **сознательно организуемый** процесс создания производных доказательств.

В процессе формирования таких производных доказательств определенным образом участвует либо следователь, либо суд. Закон для этих случаев устанавливает определенные гарантии того, чтобы создаваемое производное доказательство наиболее точно и правильно передавало содержание первоначального доказательства, например, подпись протокола участвовавшими в осмотре лицами, участие понятых при обыске и др., но не больше. Закон не запрещает суду (следователю) в этих случаях участвовать в формировании производных доказательств.

Более того, суд определенным образом участвует не только в формировании производных доказательств, но даже и таких первоначальных, как показания участников дела, свидетелей, экспертов. И это участие суда, осуществляемое путем допроса указанных лиц, может существенно отразиться на правильности формирования этих доказательств (например, при постановке наводящих вопросов). В связи с этим следственная и судебная практика выработала ряд правил методики допроса, соблюдение которых является обязательным для обеспечения достоверности указанных личных доказательств.

Поэтому противоречащими закону, неправильными по существу и дезориентирующими судебную практику являются высказывания противоположного рода. Например, С. С. Аксельрод, обосновывая утверждение, будто протокол судебного заседания и протокол осмотра на месте являются отражением процессуальных действий, но не доказательством, пишет, что признать их доказательствами, значит «признать за судом права на создание, составление доказательства, которое этот же суд должен впоследствии проверить и оценить...». А это, по мнению Аксельрод, несовместимо с отправными принципами доказывания, с самой сущностью доказательств, ибо последние не могут возникнуть по усмотрению суда, а определяются, диктуются самой природой данного конкретного дела; в противном случае нет гарантии, что в результате исследования этих материалов будет установлена материальная истина.

Указанные высказывания, пожалуй, были бы справедливы для буржуазного суда, который, участвуя в формировании доказательств, может их фальсифицировать, так как ни сам закон, ни действующая практика судов не дают достаточных гарантий против такой фальсификации. Однако приведенные аргументы должны быть признаны не имеющими силы для советского суда, обязанного действовать на основе принципа законности, а не на основе усмотрения, для суда, обязанного преследовать цель достижения истины по делу, а не ее фальсификации; эти аргументы не имеют силы для советского процесса, содержащего гарантии, мы сказали бы, более высокие для правильности процесса формирования, чем они возможны при всяком другом формировании доказательств, при участии иных несудебных органов и лиц.

Нетрудно заметить — к каким неприемлемым выводам должна вести критикуемая концепция. Если считать, что суд не уполномочен на «составление доказательств», то придется ликвидировать институт обеспечения доказательств судом, ибо основной способ обеспечения — это создание производных доказательств; надо признать не имеющими доказательственного значения результаты судебного (следственного) эксперимента.

И далее. К воспринимаемым в порядке местного осмотра вещественным доказательствам (которыми, кстати, могут быть довольно громоздкие «вещи», например, участок местности) надо будет применять все правила о собирании, хранении и исследовании вещественных доказательств, а поскольку последнее невыполнимо — запретить делать осмотр суду, поручая это иным лицам.

Так как протоколы осмотра, судебного заседания — это не доказательства, то ни вышестоящий суд, ни другой суд, повторно рассматривающий дело, не имеет права пользоваться ими как доказательствами, а при таком положении вышестоящий суд будет лишен возможности оценивать большинство доказательств и, следовательно, проверять законность и обоснованность постановлений нижестоящего суда.

Отрицание возможности или допустимости участия суда (следователя) в сознательно организуемом процессе формирования производных доказательств при соблюдении необходимых процессуальных гарантий является причиной разделявшегося ранее многими процессуалистами мнения, что «фотоснимки, слепки и иные копии, сделанные работниками следственных органов при обысках или осмотрах», не могут считаться доказательствами. Это — лишь «иллюстрации», «приложение» (?) к протоколу следственных действий.

Практически такой вывод означает, что если само вещественное доказательство окажется недоступным для суда и будет

утрачен или приведен в негодность протокол осмотра, обыска, то воспользоваться для установления истины в качестве судебных доказательств фотоснимками, слепками нельзя, хотя последние по полноте и точности воспроизведения первоначальных доказательств нередко превышают протоколы осмотра.

По всем этим соображениям критикуемая конструкция представляется глубоко ошибочной, исходящей из априорно взятых и неправильных посылок. Именно эта конструкция до самого последнего времени была главным тормозом в принятии на вооружение наших судебно-следственных органов таких средств формирования производных доказательств, как стенографирование, киносъемка, звукозапись. Правильно поступают те юристы, которые начинают отказываться постепенно от этого когда-то традиционного взгляда.

Рассматривая протоколы различных следственных и судебных действий в качестве доказательств, нельзя вместе с тем разделить мнение, что протоколы осмотра должны считаться первоначальными доказательствами в тех случаях, когда предметом осмотра служит место преступления, которое в дальнейшем может изменить свое состояние, и имеющиеся следы преступления могут утратить свое доказательственное значение. Действительно, могут быть случаи, когда вещественные или другие доказательства ввиду своих особых свойств не могут быть использованы судом в первоисточнике или ввиду невозможности доставки их в суд (участок местности) или вследствие утраты ими качеств, необходимых для использования их в качестве источников доказательств (скоропортящиеся продукты, находящийся при смерти свидетель и т. д.). Но это, естественно, не основание для того, чтобы протоколы осмотра таких доказательств (протоколы допросов свидетеля) превращать из производных доказательств в первоначальные. Квалификация доказательств как первоначальных зависит от их природы, а не от того — может ли суд получить в свое распоряжение первоисточники.

Фиксация в протоколах содержания показаний свидетелей, участников дела, описание вещественных доказательств (фотоснимки, слепки, звукозапись) является не чем иным, как созданием производных доказательств, воспроизведением на ином источнике содержания первоначальных доказательств. Естественно, что следователь или суд, непосредственно воспринимающие первоначальные доказательства — показания свидетелей, вещественные доказательства и др., исследуют и оценивают именно последние, а не создаваемые следователем или судом производные доказательства в виде протоколов, фотокопий и т. д. Но всякий иной суд, рассматривающий дело (вышестоящий суд, суд, пересматривающий дело после отмены первоначального постановления суда), не воспринимающий

уже непосредственно рассмотренные ранее первоначальные доказательства, вынужден по необходимости пользоваться доказательствами, получаемыми из производных источников: протокола судебного заседания и т. д.

И задача суда состоит не в исключении из числа средств установления истины указанных производных доказательств, а в проверке правильности их формирования, в учете при оценке возможных искажений при формировании. Задача теории — обобщать установленные законом и вырабатываемые практикой гарантии, обеспечивающие достоверность создаваемых производных доказательств, находить пути усиления этих гарантий.

Доказательство как предмет и как результат оценки

1. Предположительные и окончательные доказательства. При определении доказательства как средства установления истины допускается некоторая существенная неточность.

Доказательство — это факт, находящийся в определенной связи с искомым фактом, благодаря чему он и является средством установления объективной истинности искомого факта. Но ведь наличие этой связи во всех случаях устанавливается судом лишь после окончательной оценки доказательств. Советское процессуальное право не знает формальных доказательств, исключающих возможность оценки их доказательственной силы судом по внутреннему убеждению. Следовательно, в качестве доказательств вначале и в ходе процесса суду представляются факты, связь которых с искомым фактом является лишь предполагаемой. Окончательная оценка доказательств может выявить отсутствие связи у факта, представленного в качестве доказательства, с искомым фактом, в результате чего такой факт должен быть отвергнут как доказательство.

Неверно было бы в отношении таких отвергнутых судом фактов говорить, что они являются средствами установления истины, но вместе с тем невозможно в условиях действующего процессуального права не считать их доказательствами, так как только в отношении указанных фактов применимы многие положения доказательственного права — правила относимости, допустимости, оценки доказательств. Говорить, например, об оценке доказательств имеет смысл лишь в отношении тех фактов, связь которых с искомым фактом является предполагаемой, а не установленной.

Следовательно, термин «доказательство» фактически охватывает два ряда фактов: 1) факты, представляемые в качестве доказательств (предположительные доказательства), и 2) те из них, которые судом кладутся в основу постановления в качестве доказа-

тельств (окончательные доказательства). Лишь последние можно назвать средствами установления истины.

Считая целесообразным разграничение указанных двух понятий, (предположительные доказательства можно было бы назвать «ланными» или «материалами»), но, не решаясь в то же время отказаться от глубоко вошедшего в процессуальный быт термина «доказательство», мы предложили бы называть факты, представляемые в качестве доказательств, — **предположительными** доказательствами а факты, оказавшиеся в результате оценки последних средствами установления истины., т. е. факты, на которых, как на доказательствах, суд основывает свое постановление, — **окончательными** доказательствами.

Предположительное доказательство, в отличие от окончательного, характеризуется тем, что связь его с искомым фактом, как уже было сказано, является возможной, **предполагаемой**. В отношении предположительного доказательства действуют правила относимости, допустимости, исследования и оценки доказательств. По отношению к окончательному доказательству действуют требования, которым оно должно отвечать для того, чтобы быть основанием установления судом искомых фактов.

Окончательное доказательство является средством установления искомого факта. Но для того, чтобы стать таким средством, оно должно быть прежде всего представлено суду в качестве предположительного доказательства. Следовательно, всякое окончательное доказательство — это исследованное и оцененное предположительное доказательство.

Предположительные доказательства предназначены для того, чтобы после исследования и оценки стать окончательными доказательствами. Поэтому в качестве предположительного доказательства не может выступать такой факт, который вообще не способен к превращению в окончательное доказательство (правила относимости и допустимости доказательств).

Но не всякое предположительное доказательство после его исследования и оценки обязательно становится окончательным. Здесь возможны три случая. В результате исследования и оценки предположительного доказательства может быть установлено:

1. Факт, представленный в качестве доказательства, **связан** с искомым фактом и является поэтому доказательством искомого факта,
2. Факт, представленный в качестве доказательства, **не связан** с искомым фактом и не является поэтому доказательством искомого факта.

3. Факт, представленный в качестве доказательства, не дает возможности сделать вывод (конечно, после его оценки в совокупности с другими доказательствами) о **наличия** или **отсутствии связи** между ним и искомым фактом, связь продолжает оставаться предполагаемой. Такой факт можно назвать **недостаточным** доказательством.

Во втором и третьем случаях у суда отсутствует окончательное доказательство, и факты, представленные в качестве доказательств, отвергаются судом, но отвергаются они по разным основаниям: во втором случае — ввиду установления отсутствия связи у предположительного доказательства с искомым фактом (например, показания лжесвидетеля); в третьем случае — ввиду **неустановления** наличия или отсутствия этой связи (например, показания заинтересованного свидетеля).

* *
*

Д. М. Чечот отвергает целесообразность разграничения «предположительных» и «окончательных» доказательств. Он полагает, что такое разграничение «может толкнуть суд на путь отказа в приеме того или иного доказательства, как якобы недостоверного, поскольку суд сочтет, что данное доказательство не сможет стать в дальнейшем окончательным». В связи с этим Д. М. Чечот утверждает, что доказательствами (без какого-либо разграничения) следует считать весь доказательственный материал.

С таким рассуждением согласиться нельзя. Во-первых, это не решение вопроса о сущности доказательства, вовсе не ответ на вопрос — почему доказательство может служить средством судебного познания, а уход от ответа. Во-вторых, предложение Д. М. Чечота противоречит действующему законодательству, которое в одних случаях под «доказательствами» понимает «предположительные доказательства», в других — «окончательные». В частности, само законодательное определение понятия судебных доказательств как фактических данных, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие существенных для дела обстоятельств, имеет в виду только «окончательное доказательство». В-третьих, мнение Д. М. Чечота лишает всякой теоретической базы определение **относимости** доказательств.

Принимая доказательства, суд, конечно, не может установить действительное наличие связи у доказательства с искомым фактом, он ограничивается предположением о связи. Но такая предполагаемая связь должна быть налицо, в противном случае суд должен был бы считать доказательствами и загромождать материалы дела всем тем, что потребуют участники дела.

Суд, принимая доказательства, должен проверить (безусловно, не окончательно) и их достоверность, хотя бы для того, чтобы в случае сомнений привлечь для проверки достоверности другие доказательства (вызвать в качестве свидетеля автора документа, в котором имеются подозрительные исправления и т. п.).

2. Недостаточные доказательства. Так как закон знает понятие достаточных (ст. 222 УПК, ст. 224 УПК. БССР) и, следовательно, недостаточных доказательств, так как этими понятиями пользуется процессуальная теория и довольно широко судебная практика то эти понятия нуждаются в теоретическом анализе.

Во-первых, как было уже сказано, факты, являющиеся недостаточными доказательствами, следует отличать от фактов, которые вообще не могут служить доказательствами, даже если последние по ошибке или по необходимости и попали в материалы дела, подвергались исследованию и оценке. Это важно иметь в виду в тех случаях, когда постановление суда отменяется, и дело рассматривается вторично. Суд, вновь рассматривающий дело, не вправе устранять из доказательственного материала факты, признанные ранее недостаточными доказательствами. Эти факты вновь подлежат исследованию и оценке (свидетели — вызову для допроса) и в связи с таким исследованием в связи с привлечением нового доказательственного материала могут превратиться в достаточные доказательства.

Факт, не являющийся судебным доказательством (конечно, если не допущена ошибка в его оценке), не может превратиться в достаточное (окончательное) доказательство; недостаточное доказательство при определенных условиях может стать достаточным. Знание, при каких условиях доказательства являются недостаточными, и будет указанием тех путей, по которым должно идти исследование доказательств для превращения их в достаточные. Понятие достаточных доказательств имеет значение и для определения момента, когда можно считать осуществленной обязанность доказывания того или иного участника дела.

Ранее мы рассмотрели вопрос о требованиях, которым должно отвечать судебное доказательство, о тех условиях, при которых какой-либо факт можно считать судебным доказательством. Гораздо сложнее вопрос — при каких условиях судебное доказательство нельзя признать достаточным доказательством. Сложность эта — результат сложности и многообразия связей между доказательствами и искомыми фактами.

Но сложность и многообразие связей не означает невозможности обобщения различных видов связей, их анализа и характеристики и тем самым выработки определенных правил, подлежащих учету при исследовании и оценке доказательства, если обоб-

щать и анализировать, брать в основу характеристики отдельных видов доказательств именно **связи**, а не какие-либо второстепенные признаки, не выражающие сущности доказательств, как, например, поступала теория формальных доказательств.

Анализ понятия недостаточных доказательств имеет важное теоретическое и практическое значение и потому, что вопрос об условиях, при наличии которых доказательство не может быть признано достаточным, является вопросом о тех правилах, которыми суд должен руководствоваться при исследовании и оценке доказательств, а также в одинаковой степени и вопросом о том, в каких пределах допустим контроль вышестоящего суда над внутренним убеждением судей в отношении оценки доказательств.

Нельзя согласиться с выводом М. С. Строговича, что будто для доказательств, их оценки невозможно установить общих абстрактных правил, в соответствии с которыми можно было бы в определенных случаях признавать доказательство недостаточным (недостовверным, по терминологии М. С. Строговича). Не говоря о том, что такой вывод неосновательно устраняет теорию от обобщения вырабатываемых практикой правил исследования *и оценки* доказательств, он не проводится последовательно и самим автором, который вслед за указанным выводом, по существу, сам формулирует два «абстрактных» правила оценки доказательств, например, что доказательство не может быть признано достаточным, если оно находится в не устраненных противоречиях с другими доказательствами.

В каких же случаях доказательство является недостаточным? Если брать за основу только субъективную сферу судей, их внутреннее убеждение, то можно дать очень простой и легкий ответ; достаточным является то доказательство, которое убеждает судей, недостаточным то, которое не убеждает. Но вряд ли такой ответ был бы плодотворным для теории и принес какую-либо пользу судебной практике. Более того, он, несмотря на правильность по существу, послужил бы неплохим подспорьем для имеющих хождение среди некоторых практических работников взглядов о том, что в силу субъективного характера внутреннего убеждения неизбежны расхождения между внутренними убеждениями различных судов по поводу одних и тех же доказательств, неизбежны, следовательно, расхождения по установлению истины, судебные ошибки, неизбежен определенный процент отмены приговоров и решений.

Решение проблемы недостаточности доказательств исключительно на основе внутреннего убеждения суда, разрешающего конкретное дело, лишало бы всякой теоретической базы ответ на вопрос — почему должно быть отдано предпочтение убеждению вышестоящего суда, если оно расходится с убеждением нижестоящего су-

да; какое убеждение — вышестоящего или нижестоящего суда — должно быть признано «убедительнее»?

Такое решение, означающее отказ от всякого теоретического обобщения судебной практики по вопросу — в каких случаях доказательства признаются судами недостаточными, было бы неправильным и ввиду его несоответствия известным нам законам развития действительности, в силу которых предметы и явления природы и общества не только находятся в состоянии непрерывного движения и изменения, непрерывного обновления и развития, но они в определенных пределах пространства и времени сохраняют свою качественную определенность, без чего, собственно, мы не могли бы ни изучать, ни познавать явления природы и общества, их связи, ни применять наши знания в практической деятельности.

Если движение, развитие предметов и явлений природы и общества происходит путем постепенного накопления количественных изменений и перехода их в качественные, то, следовательно, предметы и явления природы и общества, а также и их связи характеризуются не только бесперывной изменчивостью, но и качественным постоянством в определенных пределах. Таким качественным постоянством обладают и те связи между доказательством и искомыми фактами, знанием которых пользуется суд при установлении истины. Следовательно, эти связи, во-первых, доступны теоретическому обобщению, во-вторых, такое обобщение является плодотворным, если к нему подходить диалектически, не забывая о его относительном характере.

Достаточным доказательством (доказательствами) является такой известный суду факт, в отношении которого исключена возможность наличия у него связи с другими фактами вместо искомого, или, пользуясь принятым в уголовно-процессуальной теории термином «версия» — достаточное доказательство имеется в том случае, если исключена иная версия, кроме устанавливаемой при помощи этого доказательства. В этом случае вывод суда о наличии (отсутствии) искомого факта является достоверным, в противном случае — лишь вероятным.

Отсюда вытекает общее решение вопроса о недостаточном доказательстве. Доказательство будет недостаточным в том случае, если в отношении его не исключены иные версии, связи с другими фактами вместо искомого. С точки зрения психологической (внутреннего убеждения суда) результатом достаточного доказательства будет уверенность, убеждение судей в наличии (отсутствии) искомого факта, результатом недостаточного доказательства — сомнение или предположение, что является двумя сторонами одного и того же состояния психологии судей — отсутствия полной убежден-

ности в наличии (отсутствии) искомого факта- Соотношение между сомнением и предположением, если можно так выразиться, обратно пропорционально: чем сильнее предположение, тем меньше сомнений и наоборот.

Следовательно, субъективным критерием, определяющим достаточность доказательств, является отсутствие у суда предположений об иной версии, вместо устанавливаемой данными доказательствами. В настоящее время категория «достаточные доказательства» начинает постепенно получать признание и подвергаться рассмотрению в процессуальной литературе

В каких же случаях связь факта-доказательства с иными фактами вместо искомого может быть не исключенной, или, что то же самое, в таких случаях доказательства являются недостаточными?

Ответ на этот вопрос дают наши знания о связях фактов применительно к рассматриваемому конкретному случаю. Анализ и обобщение судебной практики позволяет сделать вывод, что доказательство может быть признано недостаточным, в частности, в следующих случаях.

1. При отсутствии определенной совокупности косвенных доказательств. Одно косвенное доказательство является доказательством недостаточным.

2. При наличии обстоятельств, ставящих под сомнение существование связи между доказательством и искомым фактом или свидетельствующих о возможности вмешательства в эту связь (процесс формирования доказательства) иных посторонних связей. В их числе можно назвать: влияние субъективных и объективных условий восприятия, сохранения и воспроизведения воспринятого факта, (например, остроты зрения свидетеля, видимости в момент восприятия, свойств памяти свидетеля, его умения правильно передать воспринятое и сохраненное в памяти и т. д.); влияние обстоятельств, относящихся к источнику доказательства (например, заинтересованности лица в неточном воспроизведении имеющихся у него знаний об искомом факте).

3. При наличии существенного и необъясненного противоречия с другими доказательствами.

В первом случае суд не располагает полной совокупностью косвенных доказательств, в связи с чем имеющиеся косвенные доказательства не дают возможности судить о том, что они связаны только с искомым фактом, а не с какими-либо иными фактами. Кроме версии, в пользу которой говорят косвенные доказательства, не исключены и другие версии. Ошибка суда, если он все же признает установленным искомым факт, будет заключаться в том, что он заменит недостающую часть доказательств предположениями. Вер-

ховный Суд СССР неизменно отменяет подобные приговоры и решения судов, нередко публикуя свои определения и постановления под тезисом: «Обвинение не может быть основано на предположениях суда, не подкрепленных материалами по делу».

Во втором случае доказательство является прямым, а поэтому может быть достаточным для установления искомого факта. Однако наличие тех или иных обстоятельств, относящихся к источнику или к процессу формирования доказательства, может свидетельствовать *об ином* характере связи, чем связь с искомым фактом, вернее не исключать возможности иной связи. А поэтому такое доказательство, как вызывающее сомнение в достоверности, в случаях, если возможность иной его связи не устранена при помощи других доказательств, также должно быть признано недостаточным.

Так, по делу колхоза «Двигатель революции» с Багаевым и другими о взыскании стоимости павшей лошади в качестве источника доказательства стоимости павшей лошади была представлена справка, в которой имелось не оговоренное исправление числа 5000 рублей. Такое доказательство не может быть признано достаточным доказательством стоимости лошади, так как факт исправления числа «5000» может быть обусловлен либо допущенной ошибкой, и тогда эта цифра соответствует действительной стоимости лошади, либо умышленным искажением, и тогда справка не отвечает действительности.

Наиболее часто встречающимися в судебной практике такого рода недостаточными доказательствами являются показания заинтересованных лиц (заинтересованных свидетелей, обвиняемых сторон и третьих лиц в гражданском процессе). Указанные лица могут сообщать о фактах, которые существовали в действительности и были ими восприняты, они могут сделать такое сообщение и при отсутствии факта в действительности. Наличие у лица мотивов к искажению действительности делает показание недостаточным доказательством, если не установлено, что указанные мотивы не повлияли на правильность сообщения лица.

Так, ГСК Верховного Суда СССР опубликовала свое определение по делу управления коммунального хозяйства с Саркисян о выселении под тезисом: «Решение суда не может считаться обоснованным, если положенные в его основание доводы суда почерпнуты исключительно из объяснений истца, не подкрепленных доказательствами». В данном случае решение народного суда о выселении было основано на объяснениях истца о том, что ответчица длительное время не проживала на спорной площади. Указанное объяснение расценено судом как недостаточное доказательство факта непроживания.

В многочисленных определениях и постановлениях по уголовным делам Верховный Суд формулирует правило, что установление факта преступления не может быть основано на одних показаниях заинтересованных в деле лиц или оговоре сообвиняемых.

В третьем случае недостаточность доказательств обусловлена наличием противоречия в доказательствах, наличием доказательств, ставящих под сомнение существование связи первых доказательств с искомым фактом. Ошибка суда, если он не найдет объяснения этим противоречиям или не обратит на них внимания, будет заключаться в неполноте исследования, в установлении искомого факта при сомнении в наличии связи доказательства с искомым фактом. Верховный Суд СССР неизменно отменяет подобные приговоры и решения судов, нередко подчеркивая при этом: «Приговор не может быть оставлен в силе при наличии неустранимых противоречий в материалах дела».

В определении по делу 36/328 ГСК Верховного Суда СССР, отменяя в порядке надзора решение народного суда об отказе Стефанову и Коробко в иске к райфинотделу об исключении имущества из описи, указала: «Эти мотивы суда (противоречивость показаний свидетелей, — С. К) не могут явиться основанием для полного отказа истцам в иске. Ввиду наличия противоречий в показаниях свидетелей по поводу принадлежности спорных вещей истцам суду необходимо было выяснить действительное положение спорного вопроса и не класть противоречивые показания свидетелей в основание отказа от иска».

Без устранения (без объяснения) противоречив между доказательствами (как полученными из разных источников, так и полученными из одного источника, например, от одного свидетеля) оба противоречащих доказательства являются недостаточными, независимо от того, к какому виду относится каждое из них. Недостаточность доказательств в данном случае часто является результатом недостаточности их исследования. Эта недостаточность доказательств может быть ликвидирован» судом путем привлечения дополнительных доказательств, путем исследования и анализа самих противоречащих доказательств, их процесса формирования, путем оценки каждого из противоречащих доказательств по совокупности со всеми другими обстоятельствами дела, в результате чего одно из них может быть признано достаточным доказательством.

Из ряда положений работы М. С. Строговича можно сделать вывод о мнении автора, что доказательство, независимо от того, является ли оно прямым или косвенным, должно считаться недостаточным, если не подтверждается другими доказательствами, выступает в единственном числе. «Если... приговор основывается только

на одном, совершенно изолированном доказательстве — он не может быть признан обоснованным». Однако такой вывод нельзя признать правильным вообще, а в особенности при оправдательных приговорах. Одно прямое доказательство, если оно не находится в противоречии с другими доказательствами и исключена его недостоверность, может служить основанием для установления доказываемого факта в силу однозначной связи, которой характеризуется прямое доказательство. Утверждение М. С. Строговича противоречит его собственному высказыванию, что дело не в количестве доказательств, а в их качестве, оно не подкрепляется автором какими-либо серьезными теоретическими соображениями, не дает основания для него и судебная практика. Пример, приведенный М. С. Строговичем, не может служить подтверждением его вывода. Из обстоятельств приведенного дела видно, что показания потерпевшей К. не могли служить достаточными доказательствами попытки ее изнасилования обвиняемым Р. не только потому, что они были единственным доказательством, но, прежде всего, потому, что они находились в противоречии с другими доказательствами (отсутствие следов насилия, попытка подговорить свидетелей дать уличающие показания и др.), а также вследствие обстоятельств, свидетельствовавших о возможной недостоверности показаний К. (родственник К. был убит спутником обвиняемого Р.).

Не убедительны аргументы В. Д. Арсеньева, ссылающегося в подтверждение рассматриваемого вывода на то, что, во-первых, если доказательство выступает в единственном числе, то нельзя выполнить требование закона об оценке его по совокупности, во-вторых, в этом случае отсутствовал бы критерий истины, установленной на основе единственного доказательства; следовательно, должны быть налицо как минимум два доказательства.

Требование закона об оценке доказательств по совокупности, очевидно, имеет в виду случаи, когда такая совокупность имеется в наличии: если же суд располагает всего единственным доказательством (которое он обязан оценить) по совокупности его оценить, понятно, невозможно.

Положение о практике как критерии истины вовсе не означает, что добытое человечеством знание связей явлений, подтвержденное практикой, при практическом его использовании каждый раз вновь должно специально подтверждаться практикой. Концепция М. С. Строговича и В. Д. Арсеньева есть не что иное, как отзвук теории формальных доказательств — полное доказательство искомого факта образуют как минимум два достоверных доказательства, например, свидетельских показания (почему два — не три, четыре и т. д.).

Прямое доказательство, не противоречащее другим доказательствам, при отсутствии обстоятельств, способных породить сомнения в его достоверности, может быть и в единственном числе достаточным доказательством искомого факта, как любого элемента фактического состава (действия, вины и т. д.).

Изложенное не означает, что рассмотренные три случая недостаточности доказательств являются исчерпывающими. Дальнейшее теоретическое обобщение судебной практики может выявить и позволит сформировать и иные условия, при наличии которых доказательство должно быть признано недостаточным.

Юридические последствия недостаточности доказательств при невозможности ее устранения в уголовном процессе определяются в соответствии с презумпцией невиновности, в гражданском процессе — в соответствии с правилами о распределении обязанностей по доказыванию.

Заметим, что рассмотренные три случая, когда доказательства являются недостаточными для установления искомого факта, на практике, как правило, встречаются не в чистом виде, а в том или другом сочетании между собой. Например, в деле может оказаться определенная совокупность косвенных доказательств, недостаточная для установления искомого факта, кроме того, — доказательства, противоречащие этой совокупности или отдельной ее части, и недостоверные доказательства. Это значительно осложняет исследование и оценку доказательств, но такое сочетание и обусловленная им сложность не должны являться основанием для отказа от разграничения трех случаев недостаточности доказательств: предположительности, недостоверности и противоречивости.

Такое разграничение, не связывая внутреннего убеждения суда при оценке доказательств, указывает ему те направления, в которых должно идти исследование отдельных доказательств с целью устранения их недостаточности, те обстоятельства, которые должны учитываться при их оценке.

Сказанное о недостаточных доказательствах не означает, что они вообще лишены какого-либо доказательственного значения. Наоборот, недостаточные доказательства могут иметь самостоятельное значение (как доказательства) для решения различных процессуальных вопросов, в частности, вопроса об осуществлении обязанности доказывания, для удовлетворения ходатайства об отводе отмены постановления суда вышестоящим судом, для принятия иска к рассмотрению, допущения обеспечения иска, привлечения в процесс соотчетчика и др., иначе говоря, во всех тех случаях, когда тот или иной вопрос может быть решен на основе вероятности.

Поскольку результатом действия недостаточного доказательства на убеждение судей является предположение о вероятности доказываемого факта (или сомнение в достоверности отвергаемого), то, следовательно, во всех тех случаях, когда предположение (сомнение) имеет самостоятельное процессуальное значение, таковое имеют и недостаточные доказательства.

Ф. Н. ФАТКУЛЛИН
Общие проблемы процессуального доказывания;
Издание второе, дополненное.
Изд.—во Казанского ун-та, 1976, с. 158-170

§ 5. Классификация средств процессуального доказывания

В целях надлежащей систематизации средства процессуального доказывания могут классифицироваться по определенным, объективно им присущим признакам. Это предполагает деление их на отдельные группы, имеющие относительную самостоятельность.

До конца пятидесятых годов в науке советского уголовного судопроизводства классификации подвергались только сами доказательства, и почти общепринятым являлось деление их на прямые и косвенные, на обвинительные и оправдательные, на первоначальные и производные.

В связи с принятием ныне действующих Основ уголовного судопроизводства С. А. Голунским было высказано мнение о необходимости пересмотра этой традиционной классификации, принимая, очевидно, во внимание то, что Основы пошли по пути разграничения доказательств и их источников. В позднейшей литературе, однако, сохранилась прежняя классификация, хотя отдельные авторы дополнили ее делением доказательств на личные и вещественные.

Думается, что необходимо классифицировать *все* виды средств процессуального доказывания, причем по нескольким признакам, характеризующим в одних случаях одновременно и доказательства и их источники, в других — только доказательства, в третьих — лишь способы их получения и использования. В таком плане наиболее значимым представляется деление:

— доказательств и их источников: а) на личные и предметные; б) на первоначальные и производные; в) на доброкачественные и недоброкачественные;

— самих доказательств: а) на обвинительные и оправдательные; б) на прямые и косвенные;

— способов получения и использования доказательств: на следственные и иные процессуальные. Рассмотрим каждое из этих делений в отдельности. *Классификация доказательств и их источников на личные и предметные* может производиться по такому признаку, как различие их субстрата и механизма формирования. **Личными** являются доказательства и источники, при которых носителем соответствующей фактической информации выступают те или иные лица, а сама эта информация передается непременно в языковой форме — через устную или письменную речь. Сюда относятся

все сообщения о фактах, исходящие от людей; показания, документы, заключения экспертов и протоколы следственных действий. Общим, объединяющим для них служит то, что все эти источники содержат сведения о тех явлениях реального мира, которые идеально отражены в сознании человека. Предметными могут называться доказательства и источники, при которых носителем фактической информации являются материальные объекты, а сама эта информация передается вне языковой формы. Таковы орудия и продукты преступной деятельности, вещи со следами общественно опасного деяния, нажитые преступным путем ценности и т. д. Здесь соответствующая информация об обстоятельствах, имеющих значение по делу, сохраняется и передается в виде материальных «следов» и реальных фактов, доступных непосредственному чувственному восприятию при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела.

Как видим, при классификации по данному признаку все доказательства и источники, исходящие от физических лиц и связанные с их сознанием, объединяются в одну общую группу, остальные — в другую. Это делается не для какого-либо противопоставления личных доказательств и источников предметным и не для выявления какого-либо преимущества одних фактических данных перед другими. Недопустимость таких попыток уже неоднократно подчеркивалась в работах ряда советских юристов. Научный и практический смысл указанной классификации заключается в том, чтобы при систематизации доказательств и их источников отделить различие их субстрата и механизма формирования и, сгруппировав их на этой основе, облегчить разработку тактики и методики собирания, проверки и оценки соответствующих средств процессуального доказывания.

Классификация доказательств и их источников на первоначальные и производные основывается на таком признаке, как степень опосредствования между подлежащим установлению по делу фактом (обстоятельством) и той информацией, которая является его отражением. Первоначальными следует признать доказательства и источники, при которых исследуемый факт либо непосредственно воспринимается в виде следа содеянного или иного явления реального мира, либо подтверждается (отрицается) информацией, являющейся его непосредственным отражением без каких-либо промежуточных передаточных звеньев. Сюда относятся:

— показания и объяснения тех или иных лиц о своих действиях или бездействии, а равно об обстоятельствах, участниками или свидетелями которых они были;

— заключения экспертов, где содержатся выводы, основанные на исследованных лично этими специалистами объективных данных, либо изложены выявленные непосредственно ими обстоятельства;

— подлинные документы, в которых содержатся сведения о конкретных фактах или обстоятельствах, непосредственно воспринятых составителями документа, или на их основе делаются выводы о новых фактах (например, в акте ревизии вывод об общей сумме недостачи, в характеристике — о моральном разложении лица);

— материальные «следы» содеянного, приобщенные к делу как вещественные источники доказательств;

— протоколы упомянутых в ст. 87 УПК РСФСР следственных действий, удостоверяющие обстоятельства, которые непосредственно воспринимались чувственно подписавшими их лицами.

Общее для всех таких доказательств и источников состоит в том, что между ними и фактами, которые ими отражаются, нет ни одного промежуточного, опосредствующего звена. Здесь и сама фактическая информация и ее источник первоначально, они непосредственно связаны с устанавливаемыми при помощи их обстоятельствами дела, а носитель этой информации воспринял ее непосредственно от объективной действительности.

В отличие от этого производными следует считать доказательства и источники, при которых носитель фактической информации непосредственно не воспринимал соответствующих обстоятельств реального мира, а воспроизводит только то, что воспринято им от другого источника. Такой характер носят: показания и объяснения, в которых приводятся сведения, полученные от других лиц или из какого-либо материала (скажем, из справки, акта); документы, которые являются копией подлинника или содержат лишь сведения, известные их составителям от других лиц; слепки и другие отображения материальных «следов» содеянного, изготовленные при следственных осмотрах; заключения экспертов, в основу которых положены специальные исследования, произведенные при производстве предыдущих экспертиз и т.п. Во всех подобных случаях между источниками доказательств и устанавливаемыми при ПОМОЩИ их фактами внешнего мира лежат промежуточные звенья, получаемые из таких источников сведения отражают эти факты не непосредственно, а через другие, промежуточные средства сохранения и передачи информации. Поэтому здесь производны и доказательства и их источники.

Степень производности доказательства и источника может быть различной. Когда свидетель рассказывает об обстоятельствах дела со слов очевидца, логично говорить о второй степени опосред-

ствования. Если он дает показание со слов человека, который узнал об этих обстоятельствах от потерпевшего, возможна третья степень и т. д. Но производность не может продолжаться бесконечно. При всех условиях требуется, чтобы был точно известен первоисточник. Не являются доказательством сведения, сообщаемые в показаниях или в документах, если соответствующие лица не в состоянии указать источник своей осведомленности.

Деление доказательств и их источников на первоначальные и производные имеет важное значение. Органы следствия и суда должны стремиться найти первоначальные доказательства и источники, имея в виду, что каждая очередная степень производности может быть связана с искажением или частичной утратой информации. Но это не означает, что производные доказательства и источники нужны лишь для отыскания первоисточников. Они нередко помогают проверять подлинные свойства первоначальных сведений и источников, а порою неизбежно заменяют их, если первоисточник к моменту расследования и судебного рассмотрения дела уже не существует (допустим, потерпевший умер, подлинник документа уничтожен). Только разумное сочетание первоначальных доказательств и источников с производными, основанное на полном учете конкретных особенностей каждой из этих групп, может обеспечить успешное осуществление доказывания по уголовному делу.

Классификация доказательств и их источников на доброкачественные и недоброкачественные должна производиться по признакам, содержащим их качественные характеристики. Наиболее типичными из таких признаков являются: способность носителя фактической информации правильно ее воспринять, сохранить и воспроизвести, неискаженность сообщаемой информации в силу каких-либо других причин, ее конкретность, непротиворечивость и надлежащая процессуальная оформленность. При наличии этих признаков доказательства и их источники в принципе доброкачественны. Иначе говоря, по общему правилу доброкачественными являются доказательства и их источники, в которых фактическая информация, сообщаемая органам предварительного расследования, прокуратуры и суда, конкретна, точно отражает соответствующие обстоятельства дела и пригодна для определенного вывода. И, напротив, недоброкачественными признаются доказательства и источники, искажающие реальную действительность, соответствующим образом процессуально не оформленные и непригодные для достоверных выводов по делу.

Доброкачественность или недоброкачественность любого доказательства и источника определяется органами предварительного расследования, прокуратуры и суда после тщательного их исследо-

вания и оценки в соответствии с требованиями, предусмотренными процессуальным законом. Никакие априорные решения в этом отношении неприемлемы. Но тем не менее рассматриваемая классификация имеет важное значение. Отсюда возможные различия в качественной характеристике средств доказывания, она нацеливает на всестороннее выяснение качественных признаков каждого отдельного доказательства и источника с тем, чтобы четко отличать доброкачественное от недоброкачественного. Без такого деления по существу нельзя достичь цели доказывания, поскольку достоверные выводы по делу могут основываться только на доброкачественных доказательствах и источниках.

Классификация доказательств на обвинительные и оправдательные базируется на таком их признаке, как отношение к обвинению по делу. Обвинительными считаются фактические данные, при помощи которых устанавливаются обстоятельства (факты), входящие в структуру обвинения, а равно отягчающие ответственность обвиняемого. Сюда относятся доказательства, подтверждающие преступное деяние, вину его совершителя, вредные последствия содеянного и т.д. Оправдательными называются доказательства, которые полностью или частично опровергают обвинение, ставят его под сомнение, а также указывают на обстоятельства, смягчающие степень вины и ответственности обвиняемого. Таковы фактические данные, свидетельствующие об отсутствии общественно опасного деяния, о непричастности к нему обвиняемого, о его невиновности, о менее значительных последствиях содеянного и т. п. Разновидностью оправдательных доказательств служит алиби, т. е. нахождение обвиняемого в каком-либо другом месте как раз в то время, когда совершено данное деяние. Достоверный факт алиби исключает обвинение лица как исполнителя преступления.

Определение обвинительного или, наоборот, оправдательного характера некоторых доказательств представляет, особенно на ранних этапах движения дела, значительную трудность, ибо порою их объективные свойства становятся однозначными лишь при оценке всех обстоятельств дела в совокупности. Но все же данная классификация нужна. Закон требует выявить по каждому делу доказательства «как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого», а равно подробно изложить их в соответствующих процессуальных актах (например, ст. ст. 20, 205, 314 УПК РСФСР). О необходимости четкого ограничения обвинительных фактических данных от оправдательных говорится также в ряде постановлений Пленума Верховного Суда СССР, в том числе в его руководящих разъяснениях о судебном приговоре. Это вполне правильно, так как подобный анализ доказательств является одним из необходимых условий всесторонно-

сти, полноты и объективности расследования и судебного рассмотрения дела, принятия по нему законного, обоснованного и мотивированного решения.

Классификация доказательств на прямые и косвенные основывается на таком объективном признаке, как их отношение к устанавливаемым по делу фактам. Но вопрос: «к каким именно фактам?» — в процессуальной литературе продолжает оставаться спорным. Одни авторы для этой классификации берут отношение доказательств к любому обстоятельству предмета доказывания, другие — их отношение только к юридически значимым обстоятельствам дела, третьи — отношение лишь к фактам в рамках конструктивных признаков состава преступления, четвертые — отношение исключительно к факту виновности или невиновности лица в совершении преступления. Причем эти точки зрения расцениваются нередко как взаимоисключающие, и соответственно разными криминалистами лаются различные трактовки понятия прямых и косвенных доказательств.

Представляется, что в принципе всякое имеющее значение по делу обстоятельство, в том числе доказательственный факт, может устанавливаться и прямым и косвенным путем. Скажем, факт пребывания лица в том помещении, откуда совершена кража, может подтверждаться либо прямо его собственным признанием, либо косвенно — обнаружением около этого строения следов ног данного человека, а внутри здания — его пальцевых отпечатков на нескольких предметах. Вывод о нанесении обвиняемым ножового ранения потерпевшему в одних случаях вытекает прямо из показаний очевидцев, в других — косвенно из ряда побочных фактов (обнаружение ножа, наличие на нем крови, принадлежность ножа только обвиняемому и т.д.). В этом плане логично считать, что конкретные сведения о том или ином факте, имеющем значение по делу, всегда играют роль прямых доказательств того же факта, а установленные на основе их доказательственные факты вместе с материальными "следами" содеянного — роль косвенных доказательств по делу. Здесь деление доказательств на прямые и косвенные покоится на их отношении к любому обстоятельству предмета доказывания, в том числе к доказательственным фактам.

Такой подход к вопросу имеет, кроме логичности, то преимущество, что позволяет распространить правила пользования косвенными доказательствами, выработанные наукой и практикой, на установление побочных, доказательственных фактов. Однако он страдает и серьезными недостатками, поскольку ведет к весьма широкому определению прямых доказательств и к признанию, что подчас ими устанавливаются факты, которые, в свою очередь, выступают в

качестве косвенных доказательств по отношению к другим обстоятельствам дела. Поэтому есть смысл преднамеренно сузить основу деления доказательств на прямые и косвенные.

Условно за такую основу можно взять либо все юридически значимые обстоятельства дела, либо все факты в рамках конструктивных признаков состава преступления, либо лишь какую-то часть этих фактов. Соответственно изменяется, разумеется, и трактовка прямых доказательств, причем в сторону все большего и большего сужения. На наш взгляд, наиболее целесообразно положить в основу классификации доказательств на прямые и косвенные их отношения только к *факту совершения деяния определенным лицом*, именуя его сокращенно *главным фактом* по делу. При этом условия прямыми доказательствами служат фактические данные, которые непосредственно и однозначно указывают на конкретное лицо как на совершителя или несовершителя известного по делу деяния. Таким признаком обладают: опознание потерпевшим подозреваемого, признание обвиняемым совершения инкриминируемого ему деяния, сообщение очевидцами сведений о совершении деяния именно этим лицом, вывод эксперта об учинении подлога таким-то человеком, алиби обвиняемого и т. п. Косвенными доказательствами надо признать конкретные фактические данные, которые прямо не указывают на совершителя расследуемого деяния, способствуют раскрытию преступления и установлению виновного только в совокупности с остальными обстоятельствами дела. Это — обнаружение на шоссе трупа, наличие на нем следов наезда машины, установление на конкретной машине признаков наезда на человека, факт следования машины по этому шоссе примерно в то время, когда совершен наезд и т. д. Все подобные факты и сведения о них лишь косвенно приводят к выводу о совершении или несовершении известного по делу деяния определенным лицом.

Такое деление придает прямым доказательствам более строгое очертание и значение. Под это понятие подпадают только те данные, которые действительно указывают на главный факт — факт совершения или несовершения деяния определенным лицом. При прямом доказательстве могут быть пока неясными мотив и цель содеянного, психическое отношение лица к своим поступкам, его возраст и некоторые иные обстоятельства, но непременно должен быть ответ на вопрос: «что и кем совершено». В этом — смысл указанного выше сужения основания рассматриваемой классификации, выделения из общей массы конкретных сведений, способных прямо подтверждать различные обстоятельства предмета доказывания, более узкой группы фактических данных и именования только их прямыми доказательствами.

В советском уголовном процессе прямые доказательства по своей силе не имеют превосходства перед косвенными. Значение данной классификации заключается лишь в том, чтобы, во-первых, оттенить различие в круге и характере фактов, непосредственно устанавливаемых прямыми или косвенными доказательствами, и, во-вторых, учесть специфику в методах и приемах пользования этими доказательствами. Прямые доказательства образуются из сведений о конкретных действиях или бездействии вполне определенного лица и позволяют выдвинуть в этом отношении одну единственную версию. При наличии по делу прямого доказательства прежде всего необходимо определить его доброкачественность, ибо от этого зависит доказанность совершения (несовершения) лицом соответствующего деяния и правильность данной версии. Если прямое доказательство признано доброкачественным, в ходе дальнейшего доказывания уточняются признаки главного факта и выявляются остальные обстоятельства дела. Косвенные же доказательства складываются из отрывочных фактических данных, позволяющих многозначно объяснить исследуемые факты и строить разные версии. Органам следствия и суда надо определять и доброкачественность косвенных доказательств, и их относимость к делу, и их взаимосвязь, и вытекающие из них выводы. Поэтому необходимо, чтобы при пользовании такими данными: а) являлись достоверными сами доказательственные факты; б) была налицо вся совокупность доступных следствию косвенных доказательств; в) все эти фактические данные относились к делу; г) все они внутренне согласовывались между собой, подтверждали и дополняли друг друга; д) из них образовалась единая цепь доказательств; е) эта цепь привела к единственному выводу о виновности (невиновности) лица в совершении преступления, исключая всякое другое суждение. Только все эти условия вместе способствуют истинности фактов, устанавливаемых косвенным путем.

Говоря о косвенных доказательствах, нельзя не рассмотреть их соотношение с доказательственными фактами. Это — не тождественные явления, хотя в юридической литературе между ними нередко ставится знак равенства. На наш взгляд, косвенные доказательства — понятие более широкое, нежели «доказательственные факты», Любой доказательственный факт является косвенным доказательством, однако, не всегда бывает наоборот. Косвенными доказательствами, помимо доказательственных фактов, могут служить: а) конкретные сведения о самих доказательственных фактах, на основе которых эти факты признаются установленными или неустановленными; б) зафиксированные в протоколах соответствующих следственных действий сведения о материальных следах содеянного или об иных реальных явлениях внешнего мира, имеющих доказательст-

венное значение по делу; в) конкретные сведения об отдельных обстоятельствах фактического состава содеянного, если они прямо не указывают на его совершителя; г) конкретные сведения об иных юридически значимых обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по делу.

Названные выше виды классификации доказательств и их источников действуют одновременно. Любой источник доказательств может быть личным или предметным, первоначальным или производным, доброкачественным или недоброкачественным. Всякое доказательство может являться личным или предметным, первоначальным или производным, обвинительным или оправдательным, прямым или косвенным, доброкачественным или недоброкачественным.

Классификация способов получения и использования доказательств на следственные и иные процессуальные производится в зависимости от характера образующих их действий. Следственными способами служат активные следственные действия, предпринимаемые во время предварительного расследования и судебного следствия. Остальные способы (представление доказательств, истребование документов, получение объяснений, назначение ревизии и др.) относятся к числу иных процессуальных. Если каждый следственный способ является одновременно процессуальным, то не всегда бывает наоборот, т. е. не всякий процессуальный способ получения и использования доказательств может рассматриваться как следственный.

Данное деление совершенно необходимо для правильного понимания особенностей доказывания на различных этапах уголовного судопроизводства. Когда, например, мы говорим о невозможности следственных действий при возбуждении дела, при предании суду и в некоторых других стадиях процесса, вовсе не имеем в виду, что на этих этапах движения уголовного дела не осуществляется доказывание. Этим подчеркивается другое — а именно: то, что доказывание производится здесь посредством не следственных, а иных процессуальных способов собирания и использования доказательств. Даже в пределах одной и той же стадии процесса не на любой ее ступени возможны следственные меры. На предварительном расследовании они допускаются лишь до ознакомления обвиняемого и некоторых других участников судопроизводства с материалами дела, в судебном заседании — до окончания судебного следствия, хотя доказывание в этих стадиях еще не завершается. Поэтому нельзя не видеть разницы между этими двумя группами способов получения и использования доказательств в советском уголовном судопроизводстве.

Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С.
Проблемы доказательств в советском уголовном процессе
Воронеж, 1978, с. 118-129

Классификация доказательств

В правовой литературе было высказано суждение о том, что классификация доказательств имеет «главным образом... учебное значение...».

Учебное значение классификации доказательств бесспорно; она способствует систематизации накопленных знаний, обеспечивает правильное использование понятий, терминов и т. п. Однако, представляя собой необходимое условие их эффективного собирания и закрепления, анализа и синтеза, объективной оценки, успешного применения для установления истины, классификация доказательств, используемая в единстве и взаимосвязи классифицируемых явлений, имеет еще и большое практическое значение.

Для того чтобы быть действенным средством осуществления задач доказывания, классификация доказательств должна базироваться на правильном учете объективных свойств классифицируемых явлений. Только в этом случае она будет отвечать требованиям подлинной научности, необходимым условием которой, как замечал Ф. Энгельс, является классификация явлений согласно внутренне присущей им последовательности.

Доказательства могут быть классифицированы следующим образом:

1. По механизму формирования и носителю доказательственной информации они могут быть разграничены на исходящие от лиц (показания обвиняемых, подозреваемых, потерпевших, свидетелей, заключения экспертов) и содержащиеся в предметах и документах (вещественные доказательства, документы, протоколы следственных и судебных действий, фиксирующие не показания лиц, а иную информацию).

Говоря о значении разграничения доказательств на так называемые «личные» и иные, авторы монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» сводят, однако, вторую разновидность доказательств только к вещественным, с чем согласиться нельзя, поскольку вещественные доказательства составляют один из компонентов доказательств, исходящих не от граждан. Следует учитывать, что протоколы следственных и судебных действий могут удостоверять либо информацию, исходящую от опреде-

ленных лиц (например, протокол допрос либо содержащуюся в предметах или документах (например, протокол осмотра вещественного доказательства, протокол обыска с указанием на обнаруженный при обыске документ и др.). И хотя любой протокол подготавливается конкретными лицами и по этому формальному признаку мог бы быть отнесен к доказательствам, исходящим от лиц, тем не менее, решающее значение имеет его содержание — закрепляет ли он информацию, исходящую от лиц или содержащуюся в предметах и документах.

Аналогично следует решать вопрос и о принадлежности к соответствующей классификации документов. При этом следует иметь в виду, что понятие документов ныне резко расширилось. Это уже не только письменные документы (как о том говорилось в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законодательстве), изготовленные вне уголовного судопроизводства. Таковыми могут быть и звукозапись, и фото-кинодокументы, изготовленные как вне уголовного судопроизводства и приобщенные в установленном законом порядке к уголовному делу (например, звукозапись наполнения определенным лицом роли в драматической постановке, свидетельствующая о *его артистической деятельности*), так и в уголовном судопроизводстве (например, изготовленное следователем фотоизображение места автопроисшествия).

Конечно, если речь идет о документе, исходящем от определенного лица и являющемся продуктом его воли и сознания, классификационная принадлежность документа не вызывает сомнений. Сложнее, когда он — техническое отображение объективно существующих фактов и обстоятельств (кинодокумент, фотодокумент и др.). Такого рода документы мы относим к доказательствам, выходящим за пределы так называемых «личных», поскольку технически фиксируемые определенными лицами факты и обстоятельства, существуя независимо от их воли и сознания, отображаются вне психической переработки человеком, а, наоборот, в том виде, в каком они объективно существуют, независимо от субъективного восприятия того, кто их закрепляет.

Практическое значение данной классификации доказательств состоит в следующем:

а) Доказательственная информация в первом случае исходит от людей, способных воспринимать, запоминать, воспроизводить и уточнять интересующие следствие и суд обстоятельства и факты, что исключается в тех случаях, когда доказательственная информация содержится в неодушевленных предметах. Нельзя, однако, не учитывать, что отвечающие необходимым требованиям вещи и предметы могут в том или ином конкретном случае дать компетент-

ному органу государства более достоверную информацию, нежели человек. На процессе психической переработки полученной информации человеком неизбежно сказываются его субъективные свойства (симпатии, антипатии и др.), что исключено тогда, когда речь идет о доказательствах-предметах, доказательствах-вещах, одним словом, о доказательствах не «личного» характера.

б) На процессе собирания и исследования доказательств не могут не сказаться и различные возможности хранения информации. Запоминание человеком того, что он видел или слышал связано как с объективными, так и с субъективными факторами. Поэтому при анализе доказательств, исходящих от человека, очень важно уяснить и обстановку, в условиях которой он воспринимал событие (днем или ночью; в хорошую, ясную погоду) или в дождь, снег, вблизи или на большом расстоянии и др.), и его личностные свойства (в том числе, качество зрения, слуха и др.).

Собирая и исследуя доказательственную информацию, содержащуюся в неодушевленных предметах, органы следствия и суда сосредоточивают внимание на другом — на качестве отображения, степени влияния на отображение времени, среды и др.

в) Не безразлична для восприятия и оценки информации форма ее передачи — языковая, письменная, звуковая или иная. Каждая из таких форм, находясь в прямой зависимости от механизма образования и носителя доказательственной информации, предполагает специфические методы ее уточнения и проверки (постановку дополнительных вопросов, проверку подлинности документа путем его осмотра, проведения экспертизы и т. д.).

Сказанное дает основание не согласиться с утверждением о том, что разграничение доказательств на исходящие от человека и содержащиеся в материальных предметах ведет к их противопоставлению. Отнюдь не противопоставляя одни доказательства другим, следует использовать данную классификацию для уяснения и применения наиболее эффективных средств и методов собирания, проверки и оценки доказательственной информации, исходящей от человека и содержащейся в предметах и документах.

2. По источнику сведений о доказательственных фактах доказательства разграничиваются на первоначальные и производные.

Первоначальные доказательства — это те, которые правоприменительные органы получают непосредственно от первоначального носителя информации, так сказать, «из первых рук», в силу чего их нередко называют первоисточниками (подлинник документа, показания свидетеля о том, что он сам видел или слышал, и др.).

Производные доказательства — те, которые органы дознания, следствия, суда получают от вторичного источника информации, «из

вторых рук» (копия документа, показания свидетеля о том, что он слышал от другого лица, непосредственно наблюдавшего соответствующее событие, и др.).

Практическое значение данной классификации состоит в том, что она содействует уяснению следующих обстоятельств, весьма важных для успешного собирания, проверки доказательств и правильной их оценки.

а) Производные доказательства нуждаются в более тщательной проверке. Пропорционально тому, как доказательство удаляется от первоисточника соответствующей информации, возрастает вероятность наличия в нем ошибок, неточностей. Подлинник документа обычно достовернее копии; первая копия — достовернее второй, третьей и последующих. Поэтому пользоваться в практике уголовного судопроизводства следует, поскольку это возможно, доказательствами первоначальными.

б) Но так как получить первоначальное доказательство не всегда возможно (подлинник документа безвозвратно утрачен, свидетель-очевидец умер и т. п.), правоприменительные органы вынуждены нередко использовать доказательства производные. В таком случае совершенно необходимо установить первоисточник производного доказательства или его судьбу.

Производная информация, первоисточник которой не установлен, утрачивает свое доказательственное значение и в силу ненадежности, непреодолимых препятствий к проверке ее достоверности не может быть положена в основу выводов следствия и суда об обстоятельствах уголовного дела.

в) В следственной и судебной практике могут иметь место случаи, когда установить первоначальное доказательство можно не иначе, как через производное, например, данные о свидетеле-очевидце сообщает свидетель, которому очевидец рассказал о том, что видел или слышал.

г) В случаях, когда у компетентных органов государства (должностных лиц) возникают сомнения в достоверности первоначальных доказательств (не содержит ли подлинник документа подлог, не содержат ли показания свидетеля-очевидца элементы лжесвидетельства и т. п.), производные доказательства могут быть использованы для проверки степени достоверности первоначальных.

Все доказательства по уголовному делу подлежат тщательной и всесторонней проверке; производные доказательства, по указанным причинам, подлежат особенно обстоятельному исследованию, проверке к оценке в совокупности со всеми другими доказательствами, собранными по уголовному делу. Соответствующую необходимость мы не исключаем, разумеется, и в отношении доказательств

первоначальных. Явка с повинной (первоначальное доказательство) может оказаться результатом желания скрыть более тяжкое преступление, признавшись в совершении преступления менее тяжкого; может быть выражением самооговора, например, желания принять на себя вину близкого человека и др. Наоборот, производное доказательство (например, добросовестные показания свидетеля, который воспроизводит суду то, что он слышал от очевидца преступления) может в том или другом конкретном случае иметь преимущества перед доказательствами первоначальными со всеми вытекающими из этого последствиями. Это не устраняет и не умаляет, однако, значения указанных выше положений, которые, будучи правилом, должны учитываться органами дознания, следствия, прокуратуры, суда при расследовании и судебном рассмотрении каждого конкретного уголовного дела.

3. По отношению к факту совершения преступления конкретным лицом доказательства разграничиваются на прямые и косвенные. Прямые доказательства — те, которые прямо, непосредственно указывают на данное обстоятельство. Косвенные доказательства — те, которые указывают на иные, побочные обстоятельства, дающие основание для вывода в том, кто именно совершил преступление.

Показания свидетеля-очевидца преступления, явка с повинной с последующим признанием обвиняемым своей вины и рассказом об обстоятельствах совершения преступления — прямое доказательство.

Показания свидетелей о том, что в ночь совершения преступления подозреваемый не ночевал дома, что его видели удаляющимся от места преступления вскоре после совершения преступления, что ранее он угрожал потерпевшему совершением таких действий, обнаруженная на месте преступления вещь, принадлежащая заподозренному, и прочее — косвенные доказательства. Эти доказательства не указывают прямо на факт совершения преступления данным лицом. Они указывают на так называемые «побочные обстоятельства» или «промежуточные факты», при помощи которых органы следствия и суда могут сделать вывод о том, кто именно совершил данное преступление.

В правовой литературе приходится встречаться с различными точками зрения по поводу критерия разграничения доказательств на прямые и косвенные.

Мы не можем согласиться с тем, что соответствующим критерием следует считать предмет доказывания, поскольку, как было указано выше, понимаем под предметом доказывания все то, что подлежит доказыванию по уголовному делу, в том числе и факты

побочные, промежуточные. При таком понимании предмета доказывания он не может быть положен в основу данной классификации как стирающий существующие в действительности различия между доказательствами прямыми и косвенными. Нельзя рассматривать в качестве классификационного критерия и главный факт (состав преступления), поскольку объем состава преступления шире указанного нами классификационного критерия. Судить же об отнесении доказательств к прямым или косвенным по тому, непосредственно или опосредствованно оно указывает, например, на тот или другой признак субъективной стороны состава преступления, просто невозможно. Именно поэтому классификационным критерием следует считать в данном случае не весь состав преступления в его четырех элементах, а совершение конкретным лицом инкриминируемого ему преступления, что связано главным образом с субъектом и объектом состава преступления.

Представляется недопустимым смешивать разграничение доказательств по источнику и по отношению к факту совершения определенным лицом инкриминируемого ему преступления. В первом случае речь идет о свойстве источника, о том, является ли он первоначальным или производным. Во втором случае имеются в виду свойства фактических данных, указывают ли они непосредственно или опосредствованно на совершение конкретным лицом соответствующего преступления.

Именно поэтому доказательство может быть первоначальным (например, показания жены потерпевшего о том, что она сама слышала), но косвенным (ее показания о том, что мужу угрожал убийством гражданин А.), производным (например, показания врача о том, что он слышал от умирающего потерпевшего), но прямым (например, его показания о том, что потерпевший назвал имя убийцы) и т. п.

Как следует из сказанного, критерий разграничения доказательств на прямые и косвенные характеризуется не одним, а двумя признаками: Во-первых, содержанием устанавливаемого конкретным доказательством обстоятельства, которым (когда речь идет о прямом доказательстве) является факт совершения определенным лицом конкретного преступления и, во-вторых, тем, указывает ли данное доказательство на соответствующее обстоятельство непосредственно или опосредствованно.

Разграничение доказательств на прямые и косвенные имеет большое практическое значение, которое состоит в следующем:

а) В уяснении мысли о том, что прямые доказательства не лучше косвенных, а косвенные — не хуже прямых, иначе говоря, в

недопустимости переоценивать прямые доказательства и недооценивать косвенные.

В следственной и судебной практике встречаются дела, обвинение по которым основывается только на косвенных доказательствах. Как и прямые, косвенные доказательства образуют не менее достоверный и убедительный материал для разрешения дела по существу. Судебный приговор, основанный на косвенных доказательствах, располагает такой же законной силой, как и судебный приговор, основанный на прямых доказательствах.

б) Хотя значение косвенных доказательств не меньше, нежели значение прямых доказательств, тем не менее использование косвенных доказательств в практике уголовного судопроизводства представляется более сложным, нежели использование прямых доказательств. Объясняется это тем, что логический путь от косвенного доказательства к решению важнейшего вопроса уголовного дела — совершил ли данное преступление обвиняемый — значительно длиннее и извилистей, нежели логический путь к данному вопросу от доказательства прямого. Прямое доказательство указывает на этот важнейший искомый факт непосредственно, без каких бы то ни было посредствующих звеньев. Косвенное доказательство, как было отмечено, указывает непосредственно на побочный, производный факт и только через него позволяет правоприменительному органу сделать вывод о важнейшем искомом факте.

в) Именно потому, что косвенное доказательство непосредственно указывает на побочный факт, оно приобретает юридическое значение не иначе, как в органической взаимосвязи с другими доказательствами. Соответственно одно лишь косвенное доказательство не может рассматриваться как достаточный доказательственный материал для разрешения уголовного дела. Только одна вещь, обнаруженная на месте преступления, принадлежащая заподозренному, только один факт пребывания его в момент совершения преступления в данном месте, только недоброжелательное отношение данного лица к потерпевшему, более того, лишь одна угроза убийством — не дают оснований для утверждения о том, что именно данное лицо совершило это убийство. Взятые в своем единстве, эти факты создают тот доказательственный материал, который может быть признан достаточным для соответствующих выводов по существу уголовного дела.

Было бы неверно полагать, что для прямых доказательств, в отличие от косвенных, требование совокупности доказательств не обязательно, что одно прямое доказательство достаточно для разрешения дела по существу. Предусмотренное законом требование основывать оценку доказательств «на всестороннем, полном и объек-

тивном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности» (ст. 71 УПК) распространяется и на прямые, и на косвенные доказательства. Это требование, однако, для косвенных доказательств, в силу их специфики, имеет особое и притом повышенное значение.

г) Для того чтобы реальные факты не оказались подмененными догадками и предположениями правоприменительных органов, необходимо установить объективную, а не случайную связь косвенных доказательств, необходимо, чтобы причинная связь охватывала не только косвенные доказательства, но и совокупность косвенных доказательств с предметом доказывания, с составом преступления и, в частности, с тем важнейшим фактом, который образует классификационный критерий разграничения доказательств на прямые и косвенные.

з) Наконец, совокупность косвенных доказательств может быть признана достаточной для вывода о виновности данного лица в совершении инкриминируемого ему преступления только в том случае, если в своем завершенном виде она исключает возможность каких бы то ни было иных версий, иных выводов, если только данный вывод является единственно причинно обусловленным, объективно вытекающим из соответствующей совокупности фактических данных и сведений о них. Следует при этом иметь в виду, что недоказанная виновность равносильна доказанной невиновности, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления безусловно доказана (ст. 309 УПК. РСФСР).

Следовательно, косвенные доказательства — это не разрозненные факты и сведения о них, а единое целое, составные части которого находятся в причинной органической взаимосвязи и во взаимопроникновении. Только в таком виде они образуют доказательственную и притом неотвратимую силу, позволяющую судить о виновности конкретного лица в совершении определенного преступления.

4. По отношению к предмету обвинения доказательства разграничиваются на обвинительные и оправдательные.

Обвинительные доказательства — это фактические данные и сведения о фактах, устанавливающие виновность лица в совершении определенного преступления, а также отягчающие ответственность обвиняемого.

Оправдательные доказательства — такие, которые исключают или смягчают вину и ответственность обвиняемого.

Бывает так, что один источник содержит несколько фактических данных (сведений о фактах) — обвинительного и оправда-

тельного характера. В таких случаях речь идет не об одном, а о двух или нескольких доказательствах обвинительных и оправдательных, имеющих один источник.

Едва ли можно согласиться с утверждением о том, что некоторые доказательства, содействуя установлению истины, не являются при этом уличающими или оправдывающими. Не располагая свойством обвинительного или оправдательного характера по отношению к предмету обвинения, тот или иной факт, как и сведения о нем, утрачивают доказательственное значение.

В литературе высказывалось суждение о том, что разграничение доказательств на обвинительные и оправдательные является неправильным, что оно имеет чисто схоластический, искусственный характер.

Согласиться с подобного рода суждением нельзя, хотя бы потому, что необходимой предпосылкой познания по каждому конкретному делу объективной истины является выполнение правоприменительными органами нормативного требования относительно всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, выявления как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, как отягчающих, так и смягчающих его вину обстоятельств (ст. 20 УПК).

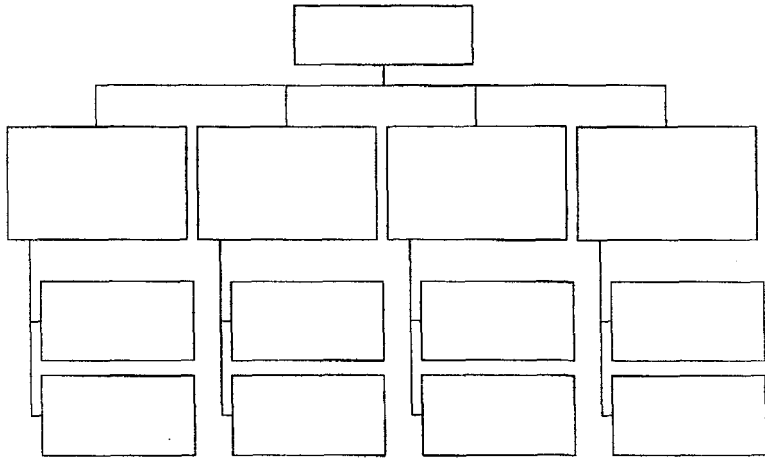
Тем не менее, данная классификация имеет весьма условный характер.

В ходе уголовного судопроизводства возможны случаи, когда доказательства, выступающие на первый взгляд в качестве оправдательных, в дальнейшем оцениваются как доказательства обвинительного характера и, наоборот, доказательства, воспринимаемые как обвинительные, вслед за тем приобретают оценку оправдательных. Например, обосновывая свое алиби, обвиняемый представляет документ, свидетельствующий о том, что в соответствующий день и час он находился в другом месте. Однако, исследуя документ, следователь (суд) убеждаются в его подделке. Значит, отнесение того или иного доказательства числу обвинительных или оправдательных зависит не от раз навсегда данной природы доказательства, а от характера его связи с искомыми обстоятельствами уголовного дела. Поскольку в процессе доказывания оценка доказательств может меняться, постольку определить наиболее точно — имеет ли доказательство обвинительный или оправдательный характер можно лишь в результате окончательной оценки всех собранных по делу доказательств в их совокупности, иначе говоря, — только в совещательной комнате при вынесении приговора. Следовательно, до этого указанное разграничение доказательств представляется весьма и весьма условным.

Учитывая, однако, что данная классификация, как было отмечено выше, ориентирует правоприменительные органы на полное, всестороннее и объективное собрание, исследование, проверку и оценку доказательств, на правильное планирование предварительного расследования и судебного разбирательства, вовсе отказаться от нее было бы неверно. Поэтому, памятуя об условном характере данной классификации, органы дознания, следствия, прокуратуры и суда должны использовать ее, как и ранее рассмотренные виды классификации, в интересах оптимального достижения задач уголовного судопроизводства, в частности — быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен в качестве обвиняемого и осужден.

Анализируя классификацию доказательств, мы в том или ином случае отмечаем преимущества, впрочем как и недостатки, одних доказательств перед другими (например, первоначальных перед производными). Это отнюдь не означает, что мы склонны а priori разграничивать доказательства по уголовным делам на лучшие и худшие. Такое разграничение не признает законодатель; оно должно быть отвергнуто правовой теорией и практикой. Однако учитывать более слабые, в одном отношении и более сильные — в другом стороны классифицируемых явлений можно и нужно. Уяснение этого предопределяет в значительной мере смысл самой классификации доказательств. Что же касается признания одних доказательств (точнее сведений о фактах) доброкачественными, а других — недоброкачественными, то это предопределяется отнюдь не их классификацией, а качеством каждого конкретного доказательства, его относимостью и допустимостью, что причинно связано с обстоятельствами каждого конкретного уголовного дела.

Рассмотренные виды классификации доказательств могут быть схематично изображены следующим образом.

А. А. ХМЫРОВ
Косвенные доказательства
Москва, "Юрид. лит-ра", 1979, с. 12-22

Понятие косвенных доказательств

Обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу, могут быть установлены двумя различными путями.

В показаниях свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, в заключениях экспертов, в письмах, написанных обвиняемыми или свидетелями и являющихся вещественными доказательствами по делу, могут содержаться сведения об обстоятельствах, которые входят в предмет доказывания в качестве одной из составных его частей (элементов). Например, по делу о подделке документа заключением эксперта может быть установлен факт подделки подписи в этом документе определенным лицом. Этот факт входит в предмет доказывания по данному делу, является составной его частью.

По делу об убийстве показание очевидца о том, что обвиняемый нанес потерпевшему удар ножом в грудь, также прямо указывает на преступление, так как устанавливает факт, который является составной частью обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Объективная связь таких фактов с предметом доказывания— это связь части и целого. Такая связь наиболее проста, она очевидна и в дополнительном обосновании не нуждается. Здесь задача сводится лишь к установлению достоверности сведений об этом факте. Таким путем доказывание осуществляется при использовании доказательств, содержанием которых являются сведения о фактах, входящих в предмет доказывания в качестве его элементов и связанных с ним как часть с целым. Такие доказательства являются *прямыми*. Второй путь доказывания более сложен. Здесь следователю и судье приходится иметь дело с доказательствами, содержанием которых являются сведения о фактах, не входящих в предмет доказывания по данному делу. Из этих промежуточных или побочных фактов (например, по делу об убийстве — обнаружение у подозреваемого вещей убитого, по делу о хищении — бестоварность накладной, сокрытие недостачи и т. п.) затем делается вывод о наличии обстоятельств, входящих в предмет доказывания по данному делу.

Связь таких доказательств с элементами предмета доказывания носит опосредствованный, а потому более сложный характер.

Поэтому на первых порах, когда следователь сталкивается с отдельным таким доказательством, его связь с предметом доказывания может только предполагаться, допускаться в качестве вероятной. Например, пребывание обвиняемого на месте убийства может быть причинно связано с совершением им этого преступления. Но оно может быть связано и с другими событиями (человек случайно оказался на этом месте до или после совершения преступления и т. п.). Установление достоверности такого отдельного факта не исчерпывает задачи доказывания: необходимо, кроме того, установить наличие объективной связи между ним и расследуемым преступлением, а это может быть сделано лишь при сопоставлении данного факта с другими доказательствами и установлении объективной связи между ними.

Доказательства, содержанием которых являются сведения о промежуточных фактах, не входящих в предмет доказывания, но в силу своей объективной связи с ним дающих основание для вывода о наличии или отсутствии обстоятельств исследуемого преступления, являются *косвенными* доказательствами.

Исследование особенностей применения косвенных доказательств в качестве первоочередной предпосылки требует четкого определения прямых и косвенных доказательств, которое бы правильно раскрывало их сущность и указывало на, специфические особенности. В настоящее время общепризнанным критерием классификации доказательств на прямые и косвенные является их отношение к предмету доказывания. Однако интерпретация этого критерия настолько различна, что не способствует усвоению практикой правильного подхода к такой классификации. Мы считаем нужным критически рассмотреть некоторые из них.

Прежде всего, рассмотрим те определения, которые критерием деления доказательств на прямые и косвенные считают их отношение к «главному факту». Большинство сторонников такого определения косвенных доказательств под «главным фактом» понимают виновность лица в совершении преступления и определяют прямые доказательства как прямо устанавливающие главный факт, а косвенные — как устанавливающие побочные факты, позволяющие сделать вывод о наличии или отсутствии «главного факта».

Ранее было показано, что «главный факт» — термин, неудачно дублирующий понятие предмета доказывания, однако менее точный и менее определенный. По существу, термином «виновность» в этом контексте также стремятся обозначить главный факт, иначе говоря, какую-то неопределенную часть предмета доказывания.

Если же под виновностью понимать только причастность конкретного лица к преступлению, то такой подход ориентировал бы

следователей и судей на установление лишь причастности лица к преступлению, а не на выяснение всех существенных обстоятельств по делу.

Поскольку прямых доказательств, содержащих информацию о всех элементах предмета доказывания, в практике почти не встречается, целесообразно считать критерием выделения прямого доказательства один (любой) элемент предмета доказывания.

Между тем даже те авторы, которые полагают, что прямыми доказательствами устанавливается не «главный факт» в целом, а лишь «один из фактов, входящих в качестве составной части в главный факт», считают обязательным, «чтобы этот факт или факты давали основание для вывода о виновности или невиновности лица, привлеченного к делу». Понятно, что столь неопределенный критерий не может быть принят в научной классификации.

М. С. Строгович утверждает, что прямыми и косвенными являются только те доказательства, которые относятся к установлению виновности или невиновности, а доказательства, устанавливающие различные обстоятельства совершенного преступления безотносительно к виновности или невиновности обвиняемого, лежат за пределами деления доказательств на прямые и косвенные.

Такое утверждение, как нам представляется, вызывает возражения не только по изложенным выше соображениям, но и потому, что противоречит одному из основных логических принципов классификации, согласно которому классификация должна охватывать весь объем классифицируемых понятий, явлений, предметов. Если согласиться, тем, что основанием деления доказательств на прямые и косвенные является их отношение к предмету доказывания, то следует признать, что это деление является дихотомическим, оно охватывает все доказательства, каждое из которых может быть в данном деле прямым либо косвенным, но никогда — «нейтральным» к такому делению.

Такие же возражения вызывает мнение тех процессуалистов, которые считают необходимым рассматривать «главный факт» как единое целое и не допускают возможности установления прямыми доказательствами отдельных составляющих его элементов. По мнению этих авторов, «доказательство будет прямым, если оно указывает на главный факт в целом (т. е. отвечает на вопрос, кто совершил преступление) или отрицает его также в целом (т. е. свидетельствует о том, что данное лицо не совершало данное преступление)».

Весьма спорно также, что прямое доказательство достоверно устанавливает «главный факт» или «виновность». При этом как бы презюмируется невозможность ошибки или умышленного искажения в показаниях обвиняемого, потерпевшего или свидетеля. Понят-

но, что для такой «презумпции» нет оснований; достоверность информации, содержащейся в прямом доказательстве» проверяется и обосновывается зачастую именно косвенными доказательствами (например, установлением незаинтересованности свидетеля и т. п.).

Представляется более правильным отграничить прямые от косвенных доказательств в зависимости от того, входит или не входит факт, сведения о котором являются содержанием доказательства, в предмет доказывания по делу.

Возражения против этой точки зрения основаны на том распространённом в свое время заблуждении, будто бы одно прямое доказательство может послужить основанием для признания лица виновным в совершении преступления. Такие опасения совершенно лишены основания, ибо никогда отдельное доказательство, независимо от того, прямое оно или косвенное, не может служить основанием для вывода о виновности. Закон (ст. 17 Основ уголовного судопроизводства, ст. 71 УПК РСФСР) позволяет делать выводы по любому вопросу (в том числе и по вопросу о виновности) лишь на основе всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности. Это исключает возможность признания лица виновным на основе одного доказательства. Что же касается признания обвиняемого, на которое иногда ссылаются как на доказательство, «исчерпывающее главный факт», то закон (ст. 77 УПК РСФСР) указывает, что признание может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его совокупностью доказательств по делу.

Неприемлемыми нам представляются и такие определения косвенных доказательств, которые характеризуют связь с предметом доказывания такими субъективными факторами, как предположительность или очевидность.

Более правильна, на наш взгляд, позиция С. В. Курылева, который в основу разграничения прямых и косвенных доказательств кладет такой признак, как однозначный иди многозначный характер связи доказательства с искомым фактом. Действительно, обычно косвенные доказательства связаны с предметом доказывания многозначной связью. Однако надо раскрыть причины этого.

С нашей точки зрения, при определении косвенного доказательства необходимо исходить прежде всего из того, что факт, сведения о котором содержатся в этом доказательстве, не входит в предмет доказывания по делу и поэтому связан с ним не непосредственно, как часть с целым, а лишь через посредство других фактов.

Определение должно содержать указание и на другой важный момент; в силу опосредствованного характера своих связей с предметом доказывания косвенные доказательства могут устанавливать

отдельные обстоятельства преступления только в своей совокупности, ибо только система доказательств может выявить наличие и истинный характер объективных связей каждого доказательства с предметом доказывания.

Исходя из этого, представляется правильным определить косвенные доказательства как полученные и закрепленные в определенном законом порядке данные о фактах, не имеющих материально-правового значения и не входящих в предмет доказывания, т. е. данные о промежуточных фактах, которые в силу объективной связи предметом доказывания в своей совокупности позволяют прийти к выводу о наличии или отсутствии события преступления, виновности лица, его совершившего, и других обстоятельствах, имеющих юридическое значение.

При всем различии точек зрения советских авторов на определение прямых и косвенных доказательств необходимость такой классификации доказательств никем не оспаривается. При этом прямые доказательства не противопоставляются косвенным как «лучшие» — «худшим». Среди советских процессуалистов не нашла поддержки точка зрения С. В. Познышева, утверждавшего, что «ввиду рискованности умозаключений на основании косвенных улик к такому умозаключению надо прибегать в уголовном процессе лишь в случае необходимости, т. е. когда недостает прямых доказательств. Если же последние есть, они должны быть представлены в суд прежде всего, так как по каждому уголовному делу должны быть представлены лучшие доказательства».

Советская теория не рассматривает косвенные доказательства как доказательства «на крайний случай», к которым следует прибегать лишь при отсутствии в деле «лучших» доказательств. И прямые, и косвенные доказательства, будучи достоверными, позволяют найти истину¹, и те и другие при правильном их применении могут служить надежным средством для достижения целей социалистического правосудия. Однако было бы неправильно на этом основании игнорировать специфику тех и других доказательств, ибо этой спецификой определяются различия в путях доказывания, в способах использования прямых и косвенных доказательств. Спецификой косвенных доказательств обусловлены известные трудности в доказывании, она же определяет и их значение в уголовных делах.

В первую очередь следует указать, что косвенные доказательства в судебной и следственной практике являются важнейшим средством раскрытия наиболее опасных преступлений, таких, как умышленные убийства, кражи, организованные хищения социалистического имущества должностными лицами и т. п. Эти преступления, как показывает практика, столь тщательно готовятся и

скрываются, а подчас бывают настолько сложны по своим фактическим обстоятельствам, что получить прямые доказательства их совершения в самом начале расследования обычно не удается.

Иногда косвенные доказательства — единственное средство установления обстоятельств преступления.

Однако и тогда, когда в деле имеются прямые доказательства, их тщательная, всесторонняя и объективная проверка осуществляется с помощью косвенных доказательств. Недооценка роли косвенных доказательств во многих случаях служит причиной судебных ошибок.

Умелое использование косвенных доказательств в ходе допроса часто дает возможность получить достоверные прямые доказательства.

Особенно важная роль принадлежит косвенным доказательствам в установлении субъективной стороны преступления. Умысел и неосторожность, мотивы и цели преступления, будучи явлениями психическими, не имеют непосредственного внешнего выражения и поэтому не могут наблюдаться со стороны. Судить о них в подавляющем большинстве случаев можно лишь по характеру действий обвиняемого, которые являются опосредствованным внешним выражением этих явлений.

3. Структура доказывания с помощью косвенных доказательств

Доказывание косвенными доказательствами представляет собой длящийся процесс, в котором можно достаточно четко выделить, по меньшей мере, две ступени (два этапа).

На первом этапе достигается достоверное знание о промежуточных фактах. На втором — из этих фактов делаются логические выводы о наличии или отсутствии события преступления, его юридической квалификации, виновности лица, совершившего преступление, и всех других обстоятельствах, имеющих правовое значение.

«Задача суда, — писал М. М. Гродзинский, — заключается в том, чтобы путем рассмотрения и оценки соответствующих источников доказательств решить вопрос о доказанности тех фактов, которые могут служить уликами в данном деле. Когда же все такие факты установлены, доказывание заключается уже в анализе каждого отдельного факта, рассматриваемого как улика по делу в установлении взаимоотношения различных улик и в разрешении вопроса о возможности — на основе всей совокупности улик, взятых в их вза-

имной связи, — признать доказанным событие преступления и виновность обвиняемого».

Достоверное установление промежуточных фактов, являющееся задачей первой ступени доказывания, почти никогда не достигается с помощью одного доказательства. Каждый промежуточный факт устанавливается обычно несколькими доказательствами. Даже такое бесспорное косвенное доказательство, как следы пальцев на месте преступления, устанавливает факт пребывания на этом месте определенного лица лишь *в сочетании с заключением эксперта* о том, что следы оставлены именно данным лицом. В большинстве же случаев для установления каждого промежуточного факта требуется не два, а более косвенных доказательств, их совокупность (частная система).

Внутри этой совокупности необходимо установить связь каждого из сведений о фактах с тем фактом, который этими сведениями устанавливается (если свидетель показывает, что он видел обвиняемого на месте происшествия, нужно установить, об этом ли именно лице идет речь в показаниях свидетеля, нет ли в них ошибки; при обнаружении следов обуви на месте преступления необходимо установить, что эти следы оставлены обувью данного лица, и т.п.). На этой же ступени проверяется и оценивается надежность источников доказательств (оценка факторов, влияющих на формирование показаний, оценка компетентности и обоснованности заключения эксперта, и т. п.).

Таким образом, на первой ступени доказывания происходит собиране и проверка доказательств, их оценка в пределах частных систем, необходимых для достоверного установления каждого промежуточного факта.

На второй ступени доказывания делаются выводы о наличии или отсутствии всех обстоятельств, образующих предмет доказывания по делу.

Для примера можно рассмотреть доказывание по делу о краже, совершенной путем взлома.

Обстоятельства кражи и виновность в ней Н. устанавливаются следующими доказательствами:

- 1) Свидетель А. на допросе показал, что он видел, как Н. выходил из дома, где была совершена кража, как раз в то время, когда, по обстоятельствам дела, она была совершена.
- 2) В квартире, откуда была совершена кража, на вещественных доказательствах найдены следы пальцев.
- 3) Заключением эксперта установлено, что эти следы оставлены правой рукой Н.

4) На месте происшествия обнаружены а зафиксированы в протоколе осмотра следы обуви.

5) Заключением эксперта-трасолога установлено, что следы эти оставлены ботинками Н.

6) При осмотре места происшествия зафиксированы следы орудия, которым совершался взлом двери.

7) При обыске у Н. обнаружен небольшой ломик.

8) Заключением эксперта установлено, что следы взлома оставлены именно этим ломиком.

9) Свидетель Б. показал, что часы, принадлежащие потерпевшему, он купил у Н.

10) Свидетель В. показал, что Н. предлагал ему купить транзисторный приемник «ВЭФ-202».

11) При обыске в доме Н. были обнаружены приемник, похищенный у потерпевшего, и другие его вещи.

12) Потерпевший опознал свой приемник и другие вещи, обнаруженные у Н. при обыске, и часы, изъятые у Б., а также предъявил оставшиеся у него паспорта на часы и приемник.

Осмотр места происшествия, в ходе которого были обнаружены и зафиксированы следы пальцев, обуви и орудия взлома, допросы свидетелей, назначение и производство экспертиз, обыск и предъявление для опознания — все эти следственные действия позволили следователю выяснить фактические данные, которыми установлены следующие промежуточные факты:

1. Н. был на месте совершения преступления (1—5);

2. Н. обладал орудием совершения этого преступления (6—8);

3. У Н. находились вещи, похищенные в ходе этой кражи (9—112).

Достоверное установление этих промежуточных фактов и есть результат первой ступени доказывания. На этой ступени исследуются источники доказательств, проверяется допустимость и достоверность сведений о промежуточных фактах, содержащихся в показаниях свидетелей, заключениях экспертов, и т. д. Эта деятельность обычно далеко не так проста, как здесь представлено: среди групп доказательств (частных систем), устанавливающих каждый из промежуточных фактов, возможны противоречия (например, подозреваемый заявит об алиби, выяснятся противоречия в показаниях свидетелей и т.п.), для устранения которых придется проводить новые следственные действия, выявлять и проверять новые сведения о фактах. При этом следователь и суд оценивают источник, анализируют и сопоставляют полученные сведения. В результате на этом этапе доказывания достоверно устанавливаются промежуточные факты.

Только после этого доказывание переходит на следующую ступень: следователь и суд, временно абстрагируясь от источников сведений о фактах, оценивают совокупность самих промежуточных фактов, выясняя при этом, связаны ли объективно эти факты с рас-следуемым преступлением, их значение (какие именно из подлежащих доказыванию обстоятельств ими устанавливаются), достаточны ли они для выводов, которыми и завершается процесс доказывания.

Если на этом этапе следователь или суд убеждаются в наличии противоречий между фактами, недостаточности их для категорического вывода, доказывание снова возвращается на первую ступень: производятся необходимые действия для получения доказательств, дополнительной проверки имеющихся и т. д.

Практическое значение разграничения ступеней доказывания заключается в том, что оно помогает выявить, предотвратить или исправить возможные ошибки в доказывании.

Ошибки эти могут иметь место как на первом этапе (ошибочные или заведомо ложные показания свидетелей, потерпевших и обвиняемых; необоснованные или ошибочные заключения экспертов; нарушения правил собирания доказательств и т. д.), так и на втором.

На первом этапе доказывания ошибки обычно носят информационный характер (заблуждения, ложь); на втором — это преимущественно логические ошибки: неправильные выводы из достоверно установленных фактов, выводы, основывающиеся на недостаточном количестве этих фактов, и т. п.

Предотвращение или исправление ошибок на первом этапе возможно за счет отыскания новых косвенных доказательств, с помощью которых осуществляется проверка имеющихся, разъясняются и устраняются противоречия между ними, создается необходимый резерв доказательственной информации, гарантирующий достоверность установления фактов. Эти новые доказательства могут пополнить частные системы, устанавливающие уже известные промежуточные факты (найлены и допрошены новые свидетели, видевшие обвиняемого на месте происшествия, и т. п.). Прибавление таких данных по существу ничего не меняет в содержании доказывания на втором этапе, так как при этом не появляются новые промежуточные факты.

Одна из наиболее распространенных ошибок в доказывании уликами и заключается в том, что следователь и суд не проводят различия между сведениями о фактах и самими промежуточными фактами и делают ошибочные выводы из недостаточного числа промежуточных фактов. Легко представить, например, что человек случайно был на месте происшествия и у него обнаружены вещи потерпевшего (которые он приобрел у преступника), но этих фактов

недостаточно для вывода о том, что он совершил преступление. В делах о хищениях, совершаемых должностными лицами, наиболее распространенной ошибкой является признание виновным в хищении только на основании того, что у обвиняемого обнаружена недостача ценностей.

Предотвращение таких ошибок может быть достигнуто только одним способом — достоверным установлением новых промежуточных фактов, т. е. собиранием, проверкой и оценкой новых частных систем косвенных доказательств.

Другая ошибка в доказывании на втором этапе может заключаться в том, что делаются неправильные выводы из достаточного количества промежуточных фактов. Сущность этой ошибки — в неправильном установлении связей этих фактов между собой и с предметом доказывания: либо наличие такой связи необоснованно отрицается, либо, напротив, утверждается наличие объективной связи там, где ее нет, когда случайное совпадение фактов принимается за их закономерную связь.

А. А. ХМЫРОВ
Основы теории доказывания
Краснодар, 1981, с. 39-63

КЛАССИФИКАЦИЯ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

1. Основания и значение классификации доказательств

В современной науке классификация играет существенную роль. Это один из важных аспектов системного подхода к изучаемым явлениям. Классификация способствует систематизации накопленных знаний и, следовательно, более осмысленному их применению, она обеспечивает также всестороннее исследование объекта изучения.

Ф. Энгельс указывал, что значение каждой научной классификации заключается в том, что она располагает изучаемые явления «согласно внутренне присущей им последовательности». Сказанное распространяется и на классификацию доказательств в теории доказывания. Необходимость такой классификации диктуется, прежде всего, сложностью и многоплановостью процесса доказывания, разнообразием происхождения, характера, структуры самих доказательств, неодинаковостью их функций в процессе доказывания. Совокупность доказательств может установить обстоятельства дела с необходимой полнотой и всесторонностью только в том случае, если она образует систему доказательств, которая должна установить все элементы предмета доказывания. Исследование такой системы неизбежно предполагает классификацию входящих в нее компонентов.

Классификация доказательств имеет и большое практическое значение.

Во-первых, правильно построенная, научная классификация доказательств предопределяет особенности их собирания — обнаружения и процессуального закрепления. Этой цели служит, в частности, классификация доказательств по источнику фактических данных.

Далее, классификация доказательств помогает правильно опделить процессуальный режим отдельных видов доказательств (наглядным примером может служить выделение личных и вещественных доказательств), пути и методы использования тех или иных доказательств, их значение в доказывании. С этой точки зрения особенно важна классификация доказательств да их отношению к предмету доказывания.

Классификация доказательств отражает особенности их исследования и оценки (существенно разнятся, например, прямые и косвенные доказательства).

Наконец, классификация способствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, помогая привести в систему совокупность собранных доказательств и выяснить, какие из подлежащих доказыванию обстоятельств дела установлены с достаточной полнотой, какие — еще не выяснены либо нуждаются в дополнительном уточнении.

Столь многоплановое значение классификации доказательств и сложность ее объектов свидетельствует о том, что провести исчерпывающую классификацию по какому-то одному основанию, одному признаку или свойству доказательств практически невозможно. Поэтому в советском уголовном процессе доказательства классифицируются обычно по нескольким основаниям, образуя довольно разветвленную систему.

Различные виды классификации доказательств широко освещены в учебной и монографической литературе по уголовному процессу. Мы рассмотрим подробно ранее не освещавшийся в литературе один из видов классификации — по отношению к предмету доказывания.

Общепризнанным в теории советского уголовного процесса является деление доказательств по отношению к предмету обвинения на обвинительные и оправдательные, по источнику — на первоначальные и производные, по отношению к предмету доказывания — на прямые и косвенные.

Были выдвинуты и другие основания классификации. Так, было предложено разделить доказательства по механизму их формирования на личные и вещественные. Такое деление доказательств отнюдь не является новым, оно применялось еще более столетия назад. Некоторые советские процессуалисты считают, что эта классификация противопоставляет вещественные доказательства показаниям свидетелей, потерпевших и обвиняемых. Однако, как правильно отмечается в современной литературе, речь идет не о противопоставлении доказательств, а о признании очевидного различия между сообщениями о фактах, исходящими от людей, и материальными предметами, которые требуют иного процессуального режима их собирания и закрепления.

Было предложено также деление доказательств по способу воспроизведения сведений о фактах на показания, заключения, вещественные доказательства, протоколы, документы.

Важно отметить, что все эти классификации проводятся по различным основаниям, что исключает возможность рассматривать

одну из групп доказательств как имеющую подчиненное значение по отношению к другим группам.

Одним из наиболее существенных признаков доказательств является характер их связи с событием преступления, их отношение к предмету доказывания, иначе говоря, — функциональное значение доказательств. Различия в характеристике этого признака обусловлены различиями между элементами предмета доказывания, с которыми связаны доказательства. Эти различия обозначены достаточно четко, хотя, разумеется, абсолютных граней между элементами предмета доказывания, как и между отдельными сторонами и элементами состава преступления, нет и быть не может. Тем не менее, такая взаимосвязь элементов предмета доказывания не препятствует построению достаточно строгой классификации доказательств по указанному признаку. Практическое значение данной классификации представляется несомненным: помимо возможностей, которые предоставляют все иные классификации доказательств, эта еще и позволяет непосредственно построить систему доказательств по делу, что имеет определяющее значение в доказывании.

Все доказательства по их функциональному значению, прежде всего, могут быть разделены на две большие группы: предметные и вспомогательные доказательства.

Предметными будут все те доказательства, которые непосредственно устанавливают обстоятельства предмета доказывания, либо устанавливают промежуточные факты, на основе которых делаются затем выводы о наличии или отсутствии обстоятельств предмета доказывания. Каждое из таких доказательств имеет самостоятельное значение.

В отличие от этого, вспомогательные доказательства самостоятельного значения не имеют: они связаны с предметом доказывания не через промежуточные факты, а через предметные доказательства. Однако в связи с последними они приобретают важное значение в доказывании, так как помогают, во-первых, обнаружить доказательства по делу и, во-вторых, проверить их достоверность.

Предметные доказательства делятся на группы применительно к отдельным элементам структуры предмета доказывания. Как правильно отмечают авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе», процессуальный закон (ст. 15 Основ, ст. 68 УПК РСФСР) дает «свернутое» компактное описание отдельных элементов предмета доказывания — «каждый из его пунктов содержит обобщенное обозначение признаков каждого из соответствующих обстоятельств». Этим обусловлена необходимость при определении предмета доказывания по конкретному делу использовать указанные статьи в сочетании с другими нормами уголовного и уголовно-про-

цессуального права, дополняющими и раскрывающими конкретное содержание каждого из элементов предмета доказываний. Представляется необходимым при классификации доказательств исходить из такого «развернутого» описания отдельных элементов структуры предмета доказывания, а классификацию начинать с выделения трех крупных групп обстоятельств, характеризующих: 1) событие преступления, 2) субъекта и субъективную сторону преступления и 3) иные обстоятельства преступления.

Первая группа обстоятельств устанавливает наличие противоправного деяния, его объект и объективную сторону. Она включает в себя во всех случаях:

- конкретный вид преступления;
- объект преступления и предмет посягательства;
- время, место и способ совершения преступления;
- непосредственные последствия преступления (наличие, характер и размер ущерба, причиненного преступлением).

Кроме того, в эту группу, в зависимости от характера преступления, могут входить и следующие обстоятельства:

- производные последствия преступления;
- некоторые свойства личности потерпевшего;
- специальная противоправность деяния (нарушение специальных правил);
- внешние обстоятельства необходимой обороны;
- обстоятельства, характеризующие стадию осуществления преступления;
- изменение обстановки, влекущее утрату общественной опасности деяния или лица.

Во вторую группу во всех случаях входят обстоятельства, устанавливающие:

- лицо, совершившее преступление;
- достижение этим лицом возраста уголовной ответственности; — вменяемость субъекта;
- наличие и форму вины (умысел или неосторожность);
- мотивы и цели преступления. В эту группу могут также входить:

- обстоятельства соучастия;
- признаки специального субъекта преступления.

Наконец, третья группа включает в себя:

- обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность обвиняемого;
- обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Применительно к трем указанным группам обстоятельств предмета доказывания мы и будем группировать доказательства.

2. Доказательства события преступления

В эту группу включаются доказательства, устанавливающие объект и объективную сторону, то, что часто называют «самый факт совершения преступления». Среди них, прежде всего, необходимо выделить **доказательства наличия преступного деяния и стадии его осуществления.**

Доказательства наличия преступления далеко не всегда бывают очевидными. В делах о наиболее опасных преступлениях — умышленных убийствах; организованных хищениях социалистического имущества и других — в качестве таких доказательств зачастую выступают данные, лишь косвенно свидетельствующие о том, что преступное событие произошло. Особенно часто с такими доказательствами следователю и суду приходится встречаться в делах об убийствах, связанных с исчезновением потерпевшего. Отсутствие у исчезнувшего причин скрываться, неожиданность и внезапность исчезновения, обнаружение вещей или документов исчезнувшего в таких местах, где они при нормальном ходе событий не могли и не должны были находиться, а также обнаружение в доме исчезнувшего тех вещей, которые он обязательно должен был взять с собой (или надеть на себя) при уходе или выезде из дома, — вот данные, чаще всего фигурирующие в качестве доказательств события преступления по такого рода делам.

В делах о хищениях социалистического имущества должностными лицами доказательствами этой группы являются фактические данные о недостатке ценностей, вывозе их с территории предприятия без сопроводительных документов или в больших, чем указано в этих документах, количествах и др.

Каждое умышленное преступление включает в себя несколько этапов: подготовку к преступлению, совершение преступления, использование его результатов и сокрытие его следов. Некоторые из этих этапов (второй и четвертый) свойственны и неосторожным преступлениям. Разумеется, подобное разграничение этапов преступления носит несколько условный характер, и доказательства, относящиеся к одному из этапов, могут в то же время указывать и на фактические обстоятельства другого этапа, однако это лишь подтверждает наличие объективной связи данных групп доказательств, а в интересах полноты и всесторонности исследования дела такое деление представляется необходимым.

Доказательства подготовки к преступлению — это фактические данные, свидетельствующие о создании условий, благоприятствующих совершению преступления, подготовке орудий преступления, выборе времени, места и обстановки его совершения и т. д. В зависимости от характера преступления эти данные могут быть самыми разнообразными: о выборе объекта и условий, о подготовке орудий и средств совершения преступления и др. К числу доказательств подготовки к преступлению следует отнести и сведения о фактах, указывающих на преступные намерения обвиняемого (высказывание угроз, заявления о предполагаемом способе преступления и т.п.).

Доказательства этой группы могут выступать и в негативной форме. Например, доказательством подготовки к детоубийству нередко служат данные об отсутствии в доме родившей женщины каких бы то ни было вещей, предназначенных для новорожденной и ухода за ним. Это свидетельствует о заранее обдуманном намерении избавиться от ребенка.

Доказательства сокрытия преступления также играют важную роль в установлении преступного события. Уже сам факт сокрытия какого-либо события указывает, с одной стороны, на наличие этого события, с другой — на противоправный его характер. Подобные доказательства бывают обычно довольно многочисленными и весьма разнообразными по характеру. К ним относятся и данные о тайном захоронении, расчленении или попытках уничтожения трупа жертвы, попытках уничтожить следы и вещественные доказательства преступления и данные о сокрытии недостатков и неучтенных излишков по делам о хищениях. Способы обнаружения таких доказательств подробно описаны в криминалистической литературе, посвященной методике расследования отдельных видов преступлений.

Доказательства способа **совершения преступления** имеют чрезвычайно важное значение, поскольку способ преступления является обстоятельством, подлежащим доказыванию по всем без исключения делам. Значение этой группы доказательств особенно возрастает в тех делах, где установление способа является решающим для раскрытия всех остальных обстоятельств преступления. К числу таких преступлений относятся, прежде всего, хищения социалистического имущества должностными лицами, некоторые должностные преступления и ряд других.

Характер доказательств способа совершения преступления определяется видом преступления и его криминалистической характеристикой. В качестве таких доказательств могут выступать самые разнообразные данные. Например, обнаружение яда в органах и тка-

нях человеческого тела, атипичной странгуляционной борозды на шее трупа, остатков взрывного устройства, дополнительных следов выстрела и так далее указывает на способ убийства. Установление фиктивности закупочных квитанций, актов на списание имущества, записей о стаже в трудовой книжке и тому подобного свидетельствует о способе хищения социалистического имущества; обнаружение зажигательных приспособлений или их остатков — на способ поджога и т. д. Обобщенные данные о типичных для каждой категории дел доказательствах способа преступления разрабатываются методикой расследования отдельных видов преступлений, которая в значительной своей части базируется как раз на изучении способов совершения преступлений,

Поскольку способ преступления представляет собой совокупность действий, направленных на совершение и сокрытие преступления, доказательства способа, как правило, одновременно устанавливают и наличие преступления.

В обнаружении **доказательств времени совершения преступления** играет большую роль знание и выявление хронологических связей между доказательствами и отдельными обстоятельствами преступления. Существует, например, совершенно определенная хронологическая связь между появлением и степенью развития трупных явлений и временем наступления смерти. Именно эта связь во многих случаях дает возможность с необходимой точностью определить время совершения убийства. На время совершения преступления могут указывать и многие другие данные.

Место совершения преступления также устанавливается различными доказательствами. Ими могут быть зафиксированные при осмотре следы рук, ног и транспортных средств преступника, аналогичные следы потерпевшего, а также следы его крови, различного рода следы борьбы, предметы, принадлежащие преступнику, и т. п. Для определения места совершения преступления имеют значение и негативные обстоятельства, которые иногда указывают на то, что преступление совершено не в том месте, где обнаружены основные связанные с ним объекты. Обычно в качестве доказательств места совершения преступления выступают вещественные доказательства.

Доказательствами последствий преступления устанавливается факт причинения морального, физического или имущественного ущерба потерпевшему. В последнем случае ими устанавливается и размер ущерба. В качестве доказательств этой группы чаще всего выступают заключения экспертов (например, о степени тяжести телесных повреждений, о размере имущественного ущерба).

Установление объекта преступления (в отличие от предмета посягательства) осуществляется только косвенным путем. На это совершенно правильно указывает В. Н. Кудрявцев. Между тем есть преступления, которые различаются между собой только по объекту (посягательства на личную собственность граждан и на социалистическую собственность и некоторые другие), да и в иных случаях разграничение преступлений по их объекту представляет известные трудности. Этими определяется значение данной группы доказательств.

Среди доказательств события преступления имеются группы, используемые для установления тех обстоятельств предмета доказывания, выяснение которых необходимо не по всем делам, а лишь по отдельным их категориям — в зависимости от характера преступления и конкретных обстоятельств его совершения.

Здесь, прежде всего, следует упомянуть доказательства, относящиеся к личности потерпевшего. Они часто используются для установления события преступления сложных для расследования и судебного разбирательства дел: убийстве, изнасиловании и др.

Так, в делах об убийствах, замаскированных под самоубийство, в качестве доказательств подобного рода выступают сведения о жизнерадостном, жизнелюбивом характере погибшего, отсутствии у него каких бы то ни было поводов к самоубийству, наличии реальных жизненных планов на будущее (например, завершить начатый труд, закончить постройку дома и т. п.). Такую же роль играют и данные, свидетельствующие о полном физическом и психическом здоровье потерпевшего.

В делах об изнасиловании, когда преступление совершается без сопротивления потерпевшей в силу ее беспомощного состояния, слабоумия или душевной болезни, данные о пребывании потерпевшей в этом состоянии служат одним из доказательств события преступления.

Выяснение тех или иных свойств личности потерпевшего необходимо для установления события и некоторых других преступлений.

Доказывание специальной противоправности деяния, по общему правилу, трудностей не вызывает и осуществляется обычно с помощью документов и заключений экспертов. Сложнее обстоит дело с доказыванием двух следующих групп обстоятельств.

Доказательствами необходимой обороны устанавливается обширный круг фактических обстоятельств, характеризующих условия правомерности обороны: наличие и противоправный характер посягательства на интересы Советского государства, общественные интересы, личность и права обороняющегося или другого лица; ре-

альность этого посягательства; факт причинения вреда нападающему, характер и размеры этого вреда; наличие и характер охраняемого правом государственного, общественного или личного интереса, против которого было направлено посягательство; пределы необходимости защиты. Большинство этих обстоятельств устанавливается только косвенными доказательствами.

Из этого исходит и постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне», предписывающее судам «учитывать как степень и характер опасности, угрожавшей оборонявшемуся, так и его силы и возможности по отражению нападения (количество нападавших и оборонявшихся, их возраст, физическое состояние, наличие оружия, место и время посягательства и другие обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и защищавшегося»). Значение этой группы доказательств становится понятным, если учесть, что необходимая оборона — это не простой факт действительности, который могли непосредственно воспринимать и затем воспроизвести в своих показаниях свидетели-очевидцы, потерпевший или обвиняемый, а сложное юридическое понятие; вывод о его наличии может быть сделан только на основе группы доказательств.

Аналогичное значение имеют и доказательства наличия крайней необходимости. Они также устанавливают явление, которое нельзя наблюдать непосредственно и которое включает в себя достаточно широкий круг фактических обстоятельств: наличие и характер источника опасности, реальность ее; наличие и характер коллективного или индивидуального правомерного интереса, подвергавшегося опасности; невозможность при данных обстоятельствах устранить опасность иными средствами; соотношение причиненного и предотвращенного вреда. Фактические данные, устанавливающие все эти обстоятельства, и составляют данную группу доказательств.

Таковы основные группы доказательств, образующие первый их класс — доказательства события преступления.

3. Доказательства, устанавливающие субъекта и субъективную сторону преступления

Эта группа доказательств направлена, прежде всего, на решение одной из основных задач советского уголовного судопроизводства — установление лица, совершившего общественно опасное деяние. Доказательствами рассматриваемой группы устанавливается также субъективная сторона преступления — наличие и форма вины

обвиняемого, мотивы и цели преступления. Эти доказательства имеют особенно важное значение, ибо даже тогда, когда событие преступления установлено с достоверностью, причастность обвиняемого к данному событию, его виновность, мотивы и цели преступления нуждаются в тщательном доказывании. Если событие преступления, а нередко и причастность к нему данного лица могут устанавливаться как косвенными, так и прямыми доказательствами, то субъективная сторона устанавливается главным образом косвенными доказательствами, которые в доказывании этих обстоятельств приобретают решающее значение.

Трудность установления субъективной стороны преступления обусловлена как раз отсутствием или ненадежностью прямых доказательств, необходимостью оперировать косвенными доказательствами. Поэтому данная группа доказательств и возможности их использования в доказывании требуют более подробного рассмотрения.

Среди этих доказательств следует, на наш взгляд, различать две группы: доказательства причастности лица к преступлению и доказательства формы и степени вины, мотивов и цели преступления.

Доказательства причастности лица к преступлению в свою очередь включают в себя: доказательства, характеризующие личность обвиняемого; «улики поведения»; доказательства принадлежности вещей и доказательстве, относящиеся к личности и поведению потерпевшего.

Доказательственное значение данных о личности обвиняемого является предметом дискуссии процессуалистов. Точка зрения, согласно которой данные о личности обвиняемого имеют значение не только при назначении наказания, а могут служить и косвенными доказательствами причастности его к преступлению, имеет много сторонников среди советских юристов.

Приверженцы противоположного взгляда исходят из того, что данные о личности обвиняемого никогда не могут служить доказательством совершения им преступления. Последовательно отстаивает эту точку зрения М. С. Строгович, полагающий, что «данные о личности обвиняемого имеют значение только для определения степени опасности преступления и ответственности обвиняемого за доказанное совершение им преступления, но сами они не являются доказательствами совершения обвиняемым преступления».

Представляется, что данные, относящиеся к личности обвиняемого, могут быть использованы и как доказательства совершения (или несовершения) инкриминируемого деяния именно данным лицом. Нужно только уточнить, что следует понимать под этими дан-

ными. Все возражения против признания доказательственного значения за данными о личности обвиняемого исходят из того, что под этими данными понимается лишь характеристика моральных качеств, общественной и производственной деятельности обвиняемого. При этом не учитываются другие, очень важные с точки зрения расследования, данные, характеризующие личность. К их числу относятся, прежде всего, доказательства, характеризующие неотъемлемые физические свойства обвиняемого (рост, телосложение, размеры отдельных частей тела, физическая сила, группа крови, наличие физических дефектов и аномалий следы перенесенных болезней и операций, особые приметы и т. д.). Эти данные широко используются в качестве доказательств. Например, отразившиеся в следах на месте преступления физические свойства обвиняемого, конечно же, будут рассматриваться следователем и судом как одна из уликов против него.

В не меньшей степени сказанное относится и к таким данным о личности, как наличие специальных знаний и опыта, профессиональных способностей и навыков. Общеизвестно, например, указание всех учебников криминалистики на необходимость при осмотре обращать внимание на характер узлов, которыми завязана петля на жертве, или на особенности расчленения трупа и т. п. А ведь все это — отражение свойств, привычных или профессиональных особенностей личности, и они всегда рассматриваются как косвенное доказательство, подтверждающее или опровергающее факт совершения преступления подозреваемым лицом. Данные о профессиональных особенностях и навыках, отразившихся в способе совершения преступления или его сокрытия, о наличии или отсутствии у обвиняемого специальных полномочий и возможности совершить определенные действия по службе и тому подобное также могут рассматриваться как косвенные доказательства его причастности или непричастности к совершению преступления.

Разумеется, все эти фактические данные, относящиеся к личности обвиняемого, могут служить доказательствами по делу только при условии, что они получены в процессуальном порядке. Представляется правильным взгляд на данные о личности обвиняемого как на «собранные в определенном законом порядке сведения о постоянных или относительно устойчивых признаках, свойствах и качествах личности, имеющих существенное значение для дела».

Конечно, отдельные улики такого рода не решают судьбу дела, они устанавливают причастность лица к преступлению только в совокупности и в связи с другими доказательствами, относящимися к деянию и к ситуации, в которой это деяние было совершено. Однако это не дает оснований отрицать их доказательственное значение.

Доказательства, относящиеся к личности обвиняемого, имеют и большую поисковую ценность. Данные о внешности преступника, его анатомических и функциональных признаках, особых приметах широко используются при розыске преступников с использованием «словесного портрета», они лежат в основе такого следственного действия, как предъявление для опознания. Отразившиеся в следах на месте происшествия физические свойства лица и даже стойкие его привычки (например, манера курить папиросу) используются для построения розыскных и следственных версий. Сведения о физических недостатках, аномалиях, ранениях и другие не только используются для изобличения лица в совершении преступления, но и для его розыска.

Наряду с доказательствами, относящимися к личности обвиняемого, большое значение в этой группе доказательств имеют и так называемые улики поведения — данные о фактах, характеризующих поведение обвиняемого, связанное с совершением им преступления.

Разумеется, далеко не всякое поведение обвиняемого может иметь доказательственное значение. Прежде всего, не могут использоваться в качестве доказательств данные, характеризующие физическое или моральное состояние лица в период расследования или разбирательства дела. То обстоятельство, что обвиняемый волнуется, отвечая на определенные вопросы, не сразу подыскивает ответ на них, изменяет тон своих показаний и тому подобное, может служить лишь своеобразным индикатором, помогающим следователю или суду избрать правильную тактику допроса и направление дальнейших поисков, но рассматриваться как доказательство такое поведение не может. Все подобные факты — отказ давать показания или отвечать на отдельные вопросы, умолчание об изобличающих его фактах, психофизиологические реакции на процессуальные действия и прочее — справедливо относят к поведению обвиняемого, имеющему лишь криминалистическое значение.

По вопросу о том, что следует считать уликами поведения, среди советских криминалистов нет единогласия. Так, А. И. Ковалев определяет улики поведения как «косвенные доказательства, вытекающие из поведения (действия или бездействия) совершивших преступление или причастных к преступлению лиц». Против столь широкого понимания выступают А. И. Винберг, Г. М. Миньковский и А. А. Эйман, которые полагают, что при таком подходе понятие «улики поведения» сливается с общим понятием косвенных доказательств, и считают, что в качестве улик поведения могут рассматриваться лишь данные о так называемой виновной осведомленности.

Оба этих взгляда вызывают возражения. Конечно, нельзя отождествлять улики поведения с косвенными доказательствами вообще. Однако и ограничивать круг этих улик только данными о «виновной осведомленности» не совсем точно. Правильной представляется позиция тех, кто определяет улики поведения как «действия (или бездействия) обвиняемого, которые, не входя в состав преступления, могут быть причинно связаны с его совершением».

К поведению, имеющему самостоятельное доказательственное значение, следует отнести поведение обвиняемого, направленное на уклонение его от ответственности, а также поведение, свидетельствующее об осведомленности обвиняемого о таких обстоятельствах преступления, которые могли быть известны только его исполнителю, об использовании обвиняемым плодов преступления и о косвенном признании им своей виновности.

Рассмотрим подробнее каждую из этих групп улик поведения.

Большое место среди них занимают данные о действиях обвиняемого, направленных на уклонение от ответственности за преступление. Улики, характеризующие такое поведение, очень часто встречаются в практике расследования и бывают весьма разнообразны по характеру. К числу наиболее типичных следует отнести неожиданное бегство обвиняемого, его попытки уничтожить следы преступления и изобличающие его доказательства (например, скрыть труп, уничтожить окровавленную одежду, сжечь документы и т.п.) и, напротив, искусственно создать оправдательные доказательства, например, алиби. Последнее встречается довольно часто, и Верховный Суд СССР трактует такие попытки как улики. Доказательствами данной группы являются также данные о попытках обвиняемых склонить свидетелей к даче ложных показаний, фальсифицировать вещественные доказательства, подделать документы и т.

д. Сюда же относятся данные о действиях обвиняемого, предпринятых с целью отвести от себя подозрения в совершении преступления (нередко еще до того, как эти подозрения возникли у следователя). Особенно часто это бывает в делах об убийствах, связанных с исчезновением лица: убийца обычно распространяет слухи о том, что исчезнувшего где-то видели, иногда даже фабрикует письма и телеграммы от его имени и т. и.

Важными доказательствами этой группы являются все фактические данные, свидетельствующие о виновной осведомленности, т. е. осведомленности обвиняемого о таких обстоятельствах преступления, которые могут быть известны лишь его исполнителю. Иногда такая осведомленность проявляется и в знании о событии преступления, о котором другим еще неизвестно. В частности, при расследовании дел, связанных с исчезновением лица, нередко обращает на

себя внимание странное поведение кого-то из близких исчезнувшего, кто, вопреки ожиданиям окружающих, не проявляет желания искать его.

В группе улики поведения находятся и данные, свидетельствующие об использовании обвиняемым плодов преступления: похищенных денег и документов, а также ценностей, нажитых в результате преступления. Такие доказательства особенно распространены в делах о хищениях, совершаемых должностными лицами, где данные о «широком образе жизни» и «жизни не по средствам» являются едва ли не наиболее распространенными доказательствами. Нередко с их установления и начинается расследование подобных преступлений.

Наконец, говоря о доказательствах этой группы, необходимо указать и на косвенное признание обвиняемым своей вины. О таком признании следователь и суд могут узнать, при допросе свидетелей — нередко обвиняемый невольно выдает себя в разговорах с близкими и даже посторонними ему людьми. Однако гораздо чаще данные, свидетельствующие о признании обвиняемым своей виновности, содержатся в письмах или записках, адресованных родным и близким либо соучастникам преступления. Иногда в таких письмах содержатся прямые доказательства, но чаще — косвенные.

Косвенное признание может выразиться и в действиях: например, узнав о прибытии ревизоров, должностное лицо начинает прятать свое имущество и готовиться к бегству и т. п.

Таковы основные виды фактических данных, которые могут быть использованы в качестве доказательств, относящихся к поведению обвиняемого. Наряду с данными, характеризующими его личность, они составляют важную группу доказательств, служащих выявлению субъекта и субъективной стороны преступления. Криминалистическое значение этой группы доказательств велико, однако следует решительно предостеречь от его переоценки: без доказательств, устанавливающих объективную сторону и все иные обстоятельства преступления, «улики поведения» не могут служить единственным основанием для установления виновности обвиняемого.

В криминалистической литературе было высказано мнение, согласно которому виновность обвиняемого может быть установлена только уликами поведения. Подобное утверждение нельзя признать обоснованным. Виновность не может устанавливаться безотносительно к остальным элементам состава преступления и, прежде всего — к объективной его стороне. Осознание противоправности деяния и отношение к его последствиям и образует содержание вины. Необходимо установить все указанные признаки. Решить же эту задачу только с помощью улик поведения невозможно. Вот почему

об этих доказательствах следует говорить лишь как об одном из элементов системы доказательств по делу.

В группе доказательств, устанавливающих субъекта и субъективную сторону преступления, большое значение имеют и доказательства принадлежности вещей. Известно, например, что в случаях исчезновения лиц событие преступления устанавливается обычно косвенными доказательствами, среди которых весьма распространенным является обнаружение вещей исчезнувшего в тех местах или у тех лиц, где они не должны были бы находиться. Если факт убийства установлен, обнаружение вещей убитого не менее важно — они могут указать на лиц, причастных к убийству. Общеизвестно значение обнаружения вещей потерпевшего для установления виновников таких преступлений, как кража, грабеж, разбой и др.

Доказательственная ценность вещественных доказательств весьма высока, когда они имеют индивидуальные признаки, позволяющие достоверно и категорически установить их принадлежность определенному владельцу.

В этой же группе доказательств заметное место принадлежит и доказательствам, относящимся к поведению потерпевшего.

На доказательственное значение данных о поведении потерпевшего указывает Пленум Верховного Суда СССР, предписывающий судам, решая вопрос о содержании умысла виновного, учитывать, помимо прочего, «предшествующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения». Значение этих данных в известной мере характеризуется и тем интересом, который проявляют советские ученые к виктимологии — учению о жертве преступления. Как указывал Л. В. Франк, «поведение человека может быть по своей природе не только преступным, но и виктимным: неосмотрительным, рискованным, легкомысленным, провокационным, т. е. опасным для самого себя». Данные, свидетельствующие о виктимности потерпевшего, могут и должны служить доказательствами, поскольку без их изучения и оценки, как правило, нельзя достаточно полно и всесторонне выяснить обстоятельства субъективной стороны преступления. Четкое указание на доказательственное значение этих данных содержалось еще в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»: «Надлежит тщательно исследовать данные, относящиеся к личности потерпевшего и его поведению во время происшествия. Выявление всех этих данных необходимо не только для определения степени общественной опасности подсудимого и для учета при назначении наказания, но в ряде случаев может иметь

значение для раскрытия обстоятельств преступления и в особенности мотивов его совершения».

Действительно, особенно важное значение данные о поведении потерпевшего имеют для установления мотивов совершения преступления, а нередко — и для определения содержания умысла виновного. Так, определяя характер и направленность умысла А., обвинявшегося в убийстве своей жены, Президиум Верховного суда РСФСР исходил не только из предшествующего поведения осужденного и способа совершения им преступления, но и принял во внимание неправильное поведение потерпевшей.

Доказательства формы и степени вины, мотивов и цели преступления, как правило, бывают косвенными. Изучение следственной и судебной практики показывает, что даже в тех случаях, когда обвиняемый признает себя виновным, он очень часто, в надежде смягчить свою ответственность (или по другим соображениям), дает неправильные показания о форме вины, мотивах и цели преступления, пытаясь выдать умышленную вину за неосторожную, отрицая низменные побуждения своих действий и т. д. Вот почему достоверные прямые доказательства формы вины, мотивов и цели удается получить сравнительно редко, и устанавливать эти весьма существенные обстоятельства приходится в большинстве случаев косвенными доказательствами.

Судить о наличии или отсутствии умысла в действиях обвиняемого, о мотивах и цели можно лишь по характеру самих действий, которые являются опосредствованным внешним выражением этих явлений. В таком именно аспекте рассматривает эту группу доказательств судебная практика. Косвенные доказательства дают возможность в сложных случаях дифференцировать умысел и неосторожность. Так, Пленум Верховного Суда СССР, изменяя приговор по делу К., осужденного за умышленное убийство, в подтверждение неосторожного характера действий виновного, приводит такие доказательства, как данные о наличии дружеских отношений между потерпевшим и осужденным, отсутствии сколько-нибудь значительного повода для совершения столь тяжкого деяния, реакции К. на ранение потерпевшего и т. д.

Особенностями мотива и цели преступления являются их объективная не наблюдаемость, отсутствие материальных следов и неоднозначность их выражения в объективных обстоятельствах содеянного. Этим обусловлены специфика и гносеологические трудности их доказывания. В правовой литературе отмечается, что мотивы и цели преступления — это реальные, объективно существующие обстоятельства дела, а не оценочные понятия. Своеобразие этих обстоятельств заключается в том, что они относятся к категории пси-

хического, и поэтому при их доказывании «познается, в конечном счете, не чисто внешняя реальность, а отражение этой реальности в данных мотивах как психических явлениях». Специфические закономерности отражения объективной действительности в психических явлениях приобретают в доказывании этих обстоятельств весьма существенное значение, и перед криминалистикой стоит задача разработки и теоретического обоснования типических приемов и способов установления мотивов и целей преступления в ходе расследования. Исходным моментом здесь должно служить то положение, что содержание и направленность умысла, мотивы и цели преступления могут быть установлены главным образом на основе выявления и анализа их объективных выражений вовне, т. е. на основе косвенных доказательств.

Доказывание мотивов и целей преступления является обязательным во всех без исключения случаях. К этому обязывает не только требование закона (п. 2 ст. 68 УПК РСФСР), но и существенное практическое соображение: само по себе наличие мотива и цели является уликой, указывающей на совершителя преступления. Установление побудительного мотива часто бывает ключом к раскрытию самых загадочных преступлений.

При расследовании и судебном разбирательстве дел о преступлениях, совершенных несколькими лицами, необходимо выявить внешние и субъективные признаки соучастия. Решается эта задача с помощью доказательств соучастия. Ими должен быть установлен, во-первых, факт участия в преступных действиях не одного, а двух или более лиц. На это может указывать сам характер и содержание преступных действий, обстановка места происшествия, наличие различных следов, оставленных несколькими лицами, и т. д. Далее, необходимо установить согласованный и умышленный характер действий, единство намерений всех участников преступления, наличие преступных связей между ними. На это, помимо доказательств, указывающих на наличие умысла вообще, могут указывать и специфические доказательства, подтверждающие факт знакомства и наличие особых отношений между обвиняемыми: сведения, содержащиеся в переписке обвиняемых, записи адресов и телефонов в записных книжках (их обнаружение особенно важно, когда обвиняемые отрицают знакомство друг с другом), фотоснимки и т. а.

Косвенными же доказательствами устанавливается и отсутствие соучастия. Ими являются фактические данные, характеризующие конкретную обстановку преступления, направленность и последствия действий каждого подозреваемого лица, характер его отношений с потерпевшим от преступления и т. п.

4. Доказательства иных обстоятельств преступления

Среди иных подлежащих доказыванию обстоятельств преступления следует выделить две группы: обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности виновного, и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Из перечисленных в ст. 38 УК РСФСР **смягчающих обстоятельств** несовершеннолетие виновного и состояние беременности обвиняемой устанавливается только прямыми доказательствами — документами, исходящими от компетентных учреждений, либо заключениями экспертов. Остальные могут устанавливаться как прямыми, так и косвенными доказательствами. Например, и прямыми, и косвенными доказательствами могут устанавливаться действия обвиняемого, направленные на предотвращение вредных последствий совершенного преступления, факты, свидетельствующие о стечении тяжелых личных или семейных обстоятельств, о наличии той или иной зависимости обвиняемого и т.д. Есть в этой группе обстоятельств и такие, которые устанавливаются преимущественно косвенными доказательствами.

К их числу следует, прежде всего, отнести наличие или отсутствие психологического аффекта у обвиняемого. Значение этого обстоятельства настолько велико, что оно является квалифицирующим признаком таких составов, как умышленное убийство и причинение тяжких телесных повреждений. Однако и тогда, когда наличие аффекта не влияет на квалификацию деяния, оно приобретает существенное значение смягчающего вину обстоятельства. Устанавливается же оно только косвенными доказательствами: состояние психологического аффекта не имеет непосредственного внешнего выражения. Здесь большое значение приобретают акты поведения потерпевшего, время и форма реакции обвиняемого, внешняя обстановка события и целый комплекс других фактов, данные о которых играют роль доказательств.

Косвенные же доказательства дают возможность установить отсутствие психологического аффекта, дифференцировать его от состояния обычного возбуждения, являющегося реакцией на ту или иную конфликтную ситуацию.

Другим смягчающим обстоятельством, устанавливаемым преимущественно косвенными доказательствами, является совершение преступления при защите от общественно опасного посягательства, хотя и с превышением пределов необходимой обороны (п. 6 ст. 38 УК РСФСР). В случаях, когда обстоятельства дела дают основание для подобного предположения, в предмет доказывания должны быть включены факты, свидетельствующие о наличии или отсутствии

общественно опасного посягательства, а также факты, представляющие собой условия правомерности обороны, относящиеся как к нападению, так и к защите. Эти факты, как уже указывалось, в большинстве случаев устанавливаются косвенными доказательствами. Ими же устанавливаются и факты, свидетельствующие о превышении пределов необходимой обороны. При этом, как указывает Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 декабря 1969 г. «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне», имеет значение степень общественной опасности отражаемого посягательства, его интенсивность, численность посягавших, душевное состояние обороняющегося, его силы и возможности по отражению посягательства.

Обстоятельства, отягчающие ответственность обвиняемого, перечисленные в ст. 39 УК РСФСР, такие, как совершение преступления лицом, ранее совершившим другое преступление, причинение преступлением тяжких последствий, совершение преступления в отношении малолетнего, престарелого или находящегося в беспомощном состоянии лица, совершение преступления в состоянии опьянения или лицом, которое было взято на поруки, устанавливаются обычно прямыми доказательствами, содержащимися главным образом в документах и заключениях экспертов. Остальные обстоятельства могут устанавливаться как прямыми, так и косвенными доказательствами, при этом наличие корыстных или иных низменных побуждений, особая жестокость преступления или издевательство над потерпевшим, заведомая для обвиняемого невинность оговариваемого им лица доказываются преимущественно уликами. Так, о корыстных побуждениях чаще всего свидетельствует исчезновение денег и ценностей потерпевшего с места преступления и обнаружение их у обвиняемого, а иногда даже лишь следы наличия у потерпевшего каких-либо исчезнувших вещей (например, след от ремешка или браслета часов на руке убитого). Об особой жестокости преступления или издевательстве над потерпевшим можно судить по количеству, характеру и локализации телесных повреждений и последнего и т. п.

Велика роль косвенных доказательств и в установлении таких отягчающих обстоятельств, как наличие организованной группы участников преступления. Решающее значение здесь приобретают доказательства, указывающие на наличие сговора соучастников преступления.

Наряду с обстоятельствами, перечисленными в ст. 38 и 39 УК РСФСР, закон (п. 3 ст. 68 УПК) требует также устанавливать иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Представляется обоснованным взгляд юристов, понимающих под этими об-

стоятельствами те, которые характеризуют обвиняемого как члена общества, дают ему социально-психологическую характеристику, показывают его отношение к социальным обязанностям, наличие и степень нравственной деформации личности. Подобная характеристика может основываться только на конкретных фактах, свидетельствующих об отношении данного лица к труду, к коллективу и к своему социальному долгу. Данные о таких конкретных фактах, установленные в процессуальном порядке, являются доказательствами этой группы. На необходимость собирания, проверки и оценки подобных доказательств указывает Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре».

Важное значение имеют и **доказательства обстоятельств, способствовавших совершению преступления.** В криминалистической литературе эти обстоятельства подразделяются на три группы: 1) обстоятельства, приведшие к формированию антиобщественных взглядов и привычек; 2) обстоятельства, приведшие к превращению этих взглядов и привычек в преступный умысел или преступную неосторожность; 3) обстоятельства, создавшие благоприятные условия для подготовки и совершения общественно опасного деяния, а также для достижения преступного результата. Конкретные фактические данные, указывающие на любое из перечисленных обстоятельств, и являются доказательствами данного вида.

5. Вспомогательные доказательства

Термин «вспомогательные» вряд ли точно передает значение этого вида доказательств, и применяется он исключительно лишь для того, чтобы отличить их от рассмотренных выше предметных доказательств, которые непосредственно или через промежуточные факты устанавливают те или другие элементы предмета доказывания. Вспомогательные доказательства, напротив, приобретают значение лишь в связи с предметными: они либо указывают, где могут быть обнаружены эти доказательства (кто может быть допрошен в качестве свидетеля по делу, где находятся вещественные доказательства и т.п.), либо дают возможность проверить достоверность последних.

Вспомогательные доказательства соответственно этому делятся на две группы: **ориентирующие** и **контрольные.**

Ориентирующие доказательства играют особенно важную роль в первоначальный период раскрытия преступления, так как способствуют обнаружению новых доказательств. Однако их значение преходяще: как только с их помощью предметное доказательство будет обнаружено и закреплено, основное доказательственное

значение переходит к нему — именно оно в дальнейшем будет проверяться и оцениваться. Ориентирующие доказательства теряют свое значение и в том случае, если предметные доказательства по их указанию не будут обнаружены.

В противоположность этому значение контрольных доказательств сохраняется на протяжении всего процесса: они используются для проверки достоверности предметных доказательств и в ходе предварительного следствия, и в судебном разбирательстве, и в стадиях кассационного и надзорного производства. Этими доказательствами, во-первых, проверяется надежность источников предметных доказательств — компетентность эксперта, незаинтересованность свидетеля в исходе дела (или, напротив, его заинтересованность в этом, воздействие, оказанное на него обвиняемым, его соучастниками или близкими), способность потерпевшего или свидетеля правильно воспринимать обстоятельства исследуемого события вообще или в определенных условиях и т. п. Такие доказательства могут быть получены в ходе допроса свидетелей, осмотра документов, в результате следственного эксперимента и т. д. Возможность их получения всегда должна предусматриваться и при допросе обвиняемого, особенно при ссылке его на алиби или другие оправдывающие обстоятельства.

С другой стороны, контрольные доказательства могут подтверждать или опровергать наличие фактов, сведения о которых являются содержанием предметных доказательств. Нередко в таком качестве выступают негативные обстоятельства: проверяя показания обвиняемого, следователь сталкивается с отсутствием фактов, на которые тот ссылается, либо с невозможностью протекания события таким образом, как он об этом рассказывает.

К контрольным доказательствам следует отнести и все фактические данные, свидетельствующие о нарушении установленного законом процессуального Порядка собирания доказательств. На основе этих данных следователь, прокурор и суд принимают решение о недопустимости того или иного из предметных доказательств.

Рассмотренная классификация доказательств по их функциональному признаку — в зависимости от конкретных элементов предмета доказывания, устанавливаемых той или иной группой доказательств, дает возможность правильно сформировать систему доказательств по делу. На наш взгляд, она должна строиться именно по этому признаку и отвечать ряду требований, анализу которых посвящается следующий раздел.

ЗАДАНИЯ К РАЗДЕЛУ V

После выполнения общих методических указаний сформулируйте свое решение следующих вопросов:

- а) в чем смысл научной классификации доказательств;*
- б) какие из классификаций имеют практическое значение, и в чем оно выражается.*